

Эдуард Семёнов

ЛЮБОВЬ
растозительных
сказок

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕКC-ПРЕC

Габрово, 2019 г.

© Эдуард Семёнов – автор, 2019
© Издательство „ЕКС-ПРЕС” – Габрово, 2019

ISBN 978-954-490-630-6

Посвящается моей дочери Сиван Вольф-Семёновой.

Эдуард Семёнов. Поэт, музыкант, исполнитель своих песен, путешественник и целитель: владеет восточной техникой массажа шиацу, мануальный терапевт.

Родился в 1968 в городе Баку, эмигрировал в Израиль в 1990 году. Возвращаясь из очередной гастрольной поездки, он стремится в заброшенную арабскую деревню Лифта, раскинувшуюся на склонах холмов при въезде в Иерусалим. Это – место силы, здесь его дом. Лифта является мистическим и благоприятным местом для его творчества.

Поэзия Эдуарда многогранна и загадочна, парадоксальна по совокупности контрастов, способна увлечь в мир духов, богов, планет, людей. Она откроет перед вами основы и правила его жизни: ежедневные медитации, игру на музыкальных инструментах,

утренние омовения в родниковой воде библейского источника Мей Нефтоах¹. Быть нужным и полезным людям – одна из движущих сил поэта. Стихи и песни, которыми он живёт и дышит, на протяжении многих лет публиковались в различных израильских поэтических сборниках.

Эдуард постоянно выступает с авторскими концертами в Израиле, России, Индии, а также в Австрии и других странах Европы. Снялся в десяти игровых и документальных фильмах. В 2018 году вышел авторский фильм «Обитель», в котором рассказывается о поэте-отшельнике из Лифты.

Книга «Любовь расточительных сказок» создана талантливым человеком, в жизни которого гармонично сочетаются теория и практика, поэзия и музыка, наивность и глубина, щедрость души, любовь ко всему живому и служение людям. Випассана и дигун как неотъемлемая часть его бытия и сущности обогащают его поэтический дар, помогают в следовании по пути к самопознанию.

¹ Мей Нефтоах дважды упоминается в книге Иисуса Навина (6-я книга Танаха) как пункт на границе колен Иуды и Биньямина.

Перед вами книга сказочных реалий и мистики, которая не оставит вас равнодушными. Здесь есть всё: любовь, красота и гармония, детское восхищение непостижимостью мироздания, страдание и милосердие, простота и глубина.

Быть здесь, жить сейчас, смотреть в сторону своих страхов, уметь прощать, осознанно видеть боль – всё это любовь. Любовь расточительных сказок.

**Алекс Гельман,
израильский поэт**

О творчестве автора

Эдуард достаточно рано познал магическую силу вдохновенного полёта. «Ужаленный» с детства экстазом словотворчества, соответствующим темпераментом и восприимчивостью, он проникся яркой палитрой впечатлений от поэзии Велимира Хлебникова, А. С. Пушкина, Омара Хайяма, Сергея Есенина. В его стихах предстают имена, история, география, современники, мистика и магия.

Что есть суть диалога художника с собой и миром? Воссоздать собственную мифологию, превращая жизнь в искусство на высокой скорости трансформации. Автор сборника «Любовь расточительных сказок» представляет читателям избранные произведения за тридцатилетний период своей жизни, хотя писать начал значительно раньше. Чарующими переливами ярких красок раскрывается мистический духовный мир поэта. Его диапазон – от шамана до ваганта¹, от колыбели любви до экстрима и психоделического опыта.

«Безмерно сложная и без конца простая, великая, влюблённая, живая», – так Эдуард Семёнов в одном из стихотворений определяет собственную позицию

и отношение к неповторимости бытия и глубин человеческой сущности. В духовном прорыве и материализации поэтической речи (магические жесты слов) ямбы и мантры иерусалимского дервиша отличает работа с символическими универсалиями. В процессе письма-жизни он проявляет себя в прямых потоках озарений, сходящихся в одном «Я» поэта.

Соединяющий в творчестве глубину и поверхностность, свою аскетичную медитативность и неуёмное жизнелюбие, он совершенно естественно сочетает в себе мистицизм стихии танцующего Заратустры с нежной улыбкой Кали².

*Так вселенная чистит себя,
Избавляясь от мертвого груза.
Одинока, чиста, безупречна
И готова к последующей жизни.*

Э. Семенов

¹ Ваганты – странствующие творческие люди в эпоху Средневековья (XI–XIV вв.) в Западной Европе, способные к сочинительству и к исполнению песен или прозаических произведений.

² *Káli* (санскр. «чёрная») – тёмная и яростная форма Парвати, разрушительный аспект Шивы. Богиня-мать – символ разрушения. Кали разрушает невежество, поддерживает мировой порядок, благословляет и освобождает тех, кто стремится познать Бога.

Это было
совсем недавно

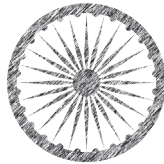

Было или нет – судите сами.
Я несу вам бред под небесами,
Несу светлый вам глоток воды;
Несусветный баловень судьбы.

Из болот невежеств, где тонул,
Сам себя за волосы тянул
Не за тем, чтоб долго здесь висеть:
Будет дальше воплощений сеть.

А до этих пор – и в этом суть –
Буду, не поддавшись козням Мары,
Сам себя за волосы тянуть
Из болот невежества сансары¹.

2018

¹ Сансáра или самсáра («блуждание, странствование») – круговорот рождения и смерти в мирах, ограниченных кармой, одно из основных понятий в индийской философии.

Магия сна

Это было совсем недавно,
Или не было никогда.
В мир поэзии очень плавно
Проникает моя среда.

Там, где ветер и слёзы градом,
Мудрость смерти рождает свет.
В пику премиям и наградам
Своё сердце открыл поэт.

И творит он в порыве – разом
Создавая потоки слов,
По ещё оголенным фразам,
Сквозь мистерии детских снов
Прославляет Всевышний разум.

Эта магия сна забавна,
Смерть поэта всегда одна.
Это было совсем недавно,
Или не было никогда.

2017

Нет! Не верю я в слабость и силу,
В сладкий ветер, религиозный дурман,
Не прошу ни Ганешу, ни Шиву
Разогнать над Кайласом туман.

А зачем? Ну и пусть там туманно
Разлетаются духи вокруг.
На душе моей тихо и странно,
И вибрации льются из рук.

Да из ног моих тоже струится,
Льётся сила сквозь тело моё.
Мне дыханием Господа снится
Безымянное имя твоё.

Всем есть место у бога без формы,
Всем есть имя у бога без дна.
И бушуют вселенские штормы
На краю бесконечного сна.

Так я сплю, иногда просыпаюсь,
Наблюдаю своё естество.
Я с другими богами знаюсь.
С новым богом! Пора, рождество!

Как стемнеет, опять лягу спать.
Мы будем с богами над Кайласом летать.

Русалка

Эй, русалка славная,
Спи, моя безумная!
На болотах зимняя
Музыка хрустальная.

Спи, моя бездомная!
На болотах чудится,
На болотах кружится
Музыка бездонная.

Пей, лесная сказочка,
Из ледовой вазочки!
Спи, моя заснеженная
Музыка мятежная.

Эй, русалка милая!
Что ж ты ночью синеею
Девушку осеннюю
Путала с осиною?

Почему ты спящая,
Почему ты синяя,
Почему кричащая,
Почему красивая?

Так к тебе из лесу
Дух мой блудный взыщет,
Живо крови ищет,
Да находит беса.

Так что спи, русалочка,
Спи, моя безмерная,
Спи, моя разумная,
Музыка – Вселенная.

Песнь таёжная

Крадусь по звериным тропам,
По солнцу сверяю путь.
То посуху, то болотом,
Мне главное – не уснуть.

Глоताю я воздух хвойный,
Не верю своим слезам.
Крадётся медведь бездомный
Уже по моим следам.

Мне дерево не поможет,
Пещера меня не спасёт,
И ужас лохматый гложет,
И челюсть мою трясёт.

Взмолился я, пал на колени:
«О Боже, меня спаси!»
Но тут из тайги – олени
Как раз на его пути.

К таёжной земле, рыдая,
Припал я лишённый сил,
И, тихо снежок глотая,
У неба я попросил:

«Пусть будет ему не в радость
Мой потный прокуренный дух,
И пусть он проходит мимо,
А я буду тихо спать».

Таёжная ночь уходит,
Костёр мой давно погас,
Но кто-то в потёмках ходит
И хочет прервать рассказ.

Но я не поддамся страху,
А нежно его обниму.
Раскрою свою рубаху
И прямо в тайге усну.

И тигр меня не тронет,
Медведь меня обойдёт.
Я сплю на таёжном троне
Из запахов и болот.

2008

И разлилась, как река,
Каплями седого безумия
По густым берегам моей бороды.

Русалка злых озёр

Я был временно пропащим,
Пил вселенскую печаль,
Улыбался настоящим,
Ели разные встречал.

Я кричал, немой от страха,
Обезумев от любви.
Свежесрубленная плаха
Пахнет – что ни говори.

Я не помню страшных сказок,
Я их знаю наизусть –
Не приемлющий отмазок
Голосок по кличке грусть.

Колосился лежебока
Над туманностью своей,
Где-то дразнится сорока,
Тихо шепчется злодей.

Пусть горят, горят пожары,
Пусть прольётся влага дня.
Я люблю твои кошмары,
Ну а в них люблю тебя.

Ты русалка злых озёр,
А я леший, я хитёр.

2009

Я сценарий увидел, и меня больше нет.
Если вас я обидел – готов дать ответ.

Не спешите меня прощать,
Все, что было, – имеет место.
Продолжайте себя дышать,
С одного нас лепили теста.

Не спешите себя судить,
И меня не судите строго.
Мы забыли, что просто жить –
Это тоже, поверьте, много.

Не мечтаю я о весне,
Не прощения прошу, поймите.
Совершают ошибки все
На серебряной жизни нити.

Там, где был я, – меня больше нет,
Каждый выдох неповторимый.
Но я слышу стихи комет,
Диким ветром всегда гонимый.

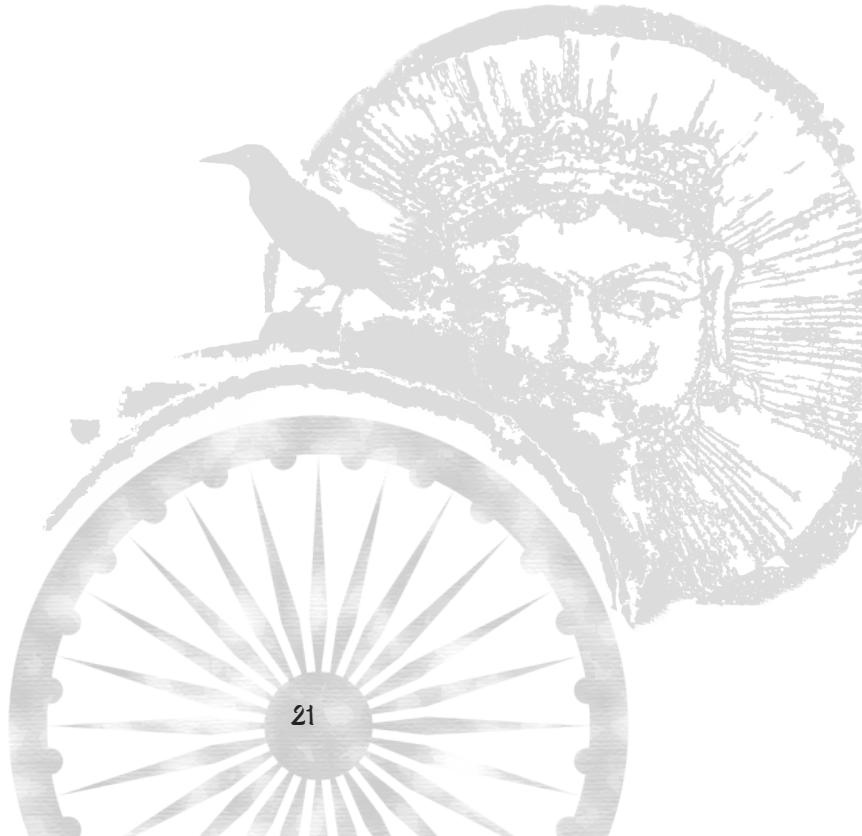
Не спешите вы жизнь мою
Называть аморальным бредом.
Я на стыке миров стою,
Укрываясь вселенским пледом.

Что могу я ответить сам?
Нарушаю я все границы,
Но с любовью, с любовью к вам
Нахожу в себе единицу.

Единицу живых планет,
Как и каждый всемерный житель.
В суете меня больше нет!
Вся Вселенная – моя обитель.

Не спешите, друзья, не спешите.

Лифта, 16 ноября, 2018

Глоток Иерусалима

Сердце одиноко и любимо,
И с ресницы капает печаль.
На душе глоток Иерусалима,
И себя немножечко мне жаль.

Но я эту жалость не лелею,
Над могилой прочитал кадиш.
Всё, как и положено еврею,
Ты – Всевышний, ты меня простишь.

Я ушёл под сень деревьев, мимо,
Мимо площадей и суеты,
Там, где возле Иерусалима
Есть источник брошенной Лифты.

Там, где я всегда, – всегда я дома,
Средь зверей, террас и миндаля,
Где люблю я всё, где всё знакомо,
Пью сибирский чай «Саган-Дайля».

Там, где можно плакать, не стесняясь
Глупого общественного «но»,
Я уйду, зверям уподобляясь,
В дебри заповедного «кино».

Ни добра, ни зла не повстречаешь,
Здесь одна любовь заведена.
Если эти строчки ты читаешь,
Значит, ты хоть что-то понимаешь
Про моё безвременное Я.

2017

Куда уходили, донельзя
От нас оторвавшись?
Прикажете догнать?
Да нет, пускай пропадают.

Я ношу смешную кличку,
Совершаю в жизнь бросок.
Я не сяду в электричку
От судьбы на волосок.

Я сознательным примером
Путь-дорогу укажу.
И учения химеры
Я уже не искажу.

Я придумываю песню
Для любимых о любви.
И встречаю свою вёсну
Я в сентябрьские дни.

2016

Любовь растозительных сказок

Любовь расточительных сказок

Штампом след – и
кому?

Утюгу буквой У не без прелести Жи

Поперечных животных стран.

Ковыляя украдкой,
Без «увы» не бывает.

Вечи-горы мечтой –
И порожит
в ужим эстакады.

Прорва. Стужа. Жара.
Тени тень по песку –
гололёд чистых правил...

И кивает перед падением.

Кто стороны света примерил навскидку?
Кто ведает путь?
Их числа –
два туда, осознание, тыл,
дважды первые, дважды никто.
Есть возможность траншею зарыть?

Люблю с тобой в небо
Под всплеск припоздлившейся рыбы.

Тесновато в груди,
Но костюм безупречен.

Быть не строже, чем мы с утра –
и пойму, в чём моё «ошибался».

На лесной полосе забвения
Что-то есть,
и уже не забуду,
Что незнание сторожит, созерцая пыльцу,
голос алый и тёплый
в рассрочку не купишь.

Качеством недвижим.

Нежится солнца луч,
Тянет прозрачную боль
Угол стены.
Сквозняк.
Ставни пляшут огнём –
блуждающий хор.

Не успеет стремительность комнаты
на моё «постепенно».

Кувшины рук угля не боятся,
стынут посреди пепла.

Через два промежутка луны,
Через десять столетий Корана
Вождельть
 у коралловой лжи,
просыпаясь лениво и рано.

О, Аллах, эти звёзды совсем захотели меня,
И пустыня покрылась, сверкая сверчком, –
алчный вид у подножия веры.

Спать мне – я тоже ещё не сегодня один –
В предчувствии поз, припаданий,
отрыва.

Тараканьи снятся бега.

Сказочный дух свой потешь –
рваный...
Чарами дышит.

Кто там выдох мой в урну сметает?

Это ли помнит сон?
Красит улитку к осени.

Немытых рук сонливое признание.
Старо преданье – весело с трудом.
И стадный взгляд, и беглый новый мир,
И лёгкое, но всё же умиранье.

2010

Сдул печаль с ресниц

Волокна тел моих быстрых
Исчезают, не успев появиться.

Думал, – став героем, уступлю я богам, –
Буду вечным.
Героем не стал – стал беспечным.

Среди прочих сущностей
Множество своё осознал,
Сдул печаль с ресниц,
И потекла красота.

Столько тонких тел,
Кто тут я – неизвестно,
Но пишу эти строки и читаю их вслух,
Но рассыпался в пыль
Мой дух.

Сотни раз за секунду меняясь:
«Кто же я?» он спросил, растворяясь.

2018

Меня в путь

Пел.
Страхи пил?
Топотом выражался?

Пар кружа,
Уходил восвояси.

Безусловная вязь –
Ремесло.
Велимир стихов
меня в путь.

Нет романов – кромешная пыль.

У тумана короткая цель

У трона степь
Звнящих линий,
Тонкий пожар стекла

Светотень пятна на веер воспоминаний

Пресный дом,
Приют сонных дам.
Бравада души – не то
Робкий улов,
Отголосок всхлипов на стороне.

Я тоже как моль по домам –
Даровано мне!
Жаркая брызжет ночь.

Без луны на рассвете
Смотрит окно.

Сквозь щель
Канитель постригают.

Управдомовы мысли:
Хоть и не старые были ноги.

Остынет ли сердце лица?

Сподвижники горя не знали,
Мы с ними не знали слов
Среди набухающей стали
Без счёта и без голов.

Былые, вроде бы, воины,
Только ли вороны пели,
Их боги нарушат покой.

И покинет меха,
О холодная камень глаз.

Нефритовый Будда
Сочувствием окрылён.

Станешь пылью – знай,
Будешь стоном – пей,
А пока летай,
Тряпочкой владей.

2012

Твой смех

Я изучаю свой мир
Самовлюбленных людей.
Я развращаю эфир
Как «оперетный злодей».

Как искушённый самец
Ошеломляю подруг.
И набухает конец,
И замыкается круг.

Совокупляются все
Плоды бесчисленных я.
На беговой полосе
Моя большая семья.

Проистекает ответ
Как неожиданный друг,
Встречает новый рассвет
Сансары замкнутый круг.

Самовлюблённый – прошло,
А вот влюблённый – для всех!
Я принял всё, что пришло,
Когда услышал Твой смех.

2 июня 2018

Изменения

Ух ты, неожиданность!
А глаза закрыты.
Вижу непредвиденность
Следующей минуты.

Вижу непредвзятость
Ровного дыхания.
Вижу нашу святость
В центре мироздания.

Ух ты, неслучайность
Речи непростой.
Эта речь – молчаливость
В голове пустой.

В голове подобной
Нет дурных идей,
Значит, дух свободный
От любых затей.

Это непростое
Чту стихотворение.
Где-то божество я
Чистого парения.

Ну, а где-то менее,
Чем микроб, – личина.
Всюду изменения –
В этом вся причина.

Птаху

На сердце разум любви
Пристанищем век отдаёт,
Славит красивых.
Сон избы, для не верю...
Не делает злобы...
И вам не пристало.
Неприметный, никем не замечен,
Ничем не читаем,
Лишь только пылинками роз почитаем.
Никем не изучен,
Немыслим на свете.
Мы эти... мы эти...

Ночь. Луна. Иерусалим и проколотое колесо.
Счастье быть другом!

Быстрая сказка

Быстрая сказка –
Острая боль.
Вымокла краска –
Толстая пыль.
Грозное небо –
Утра мороз.
Выпечка хлеба
Или прогноз.
Улицы – пусто
Иней, туман
В поле не густо –
В небе обман.
Бьются о стены
Спелые дни.
Лесу на смену –
Свежие пни.
Выросли руки
Из темноты.
Суки от скуки
Были на «ты».
Сказка – хоть тресни
Острая боль.
Мы поём песни
До-ля-фа-соль.

Царица ночи

Царица ночи подмела ковры,
Луна сияет, полная луна.
Прошу, примите скромные дары,
Несмелая любовь и тишина.

Над нами звёзды разных величин,
Я их тебе по буквам расскажу.
И я имею множество причин
Не поклоняться страху и ножу.

В твои ли косы заплетался свет
Далёких галактических светил?
Тебе однажды песню посвятил,
Ты помнишь хоть один её куплет?

Я – чародей, волшебник, ведьма, маг.
Я – грешник похотливый, злобный шут.
Но для тебя на ворохе бумаг
Я эти посвящения пишу.

И сквозь меня проносится река,
Солёная река моих вершин.
Бегут неторопливые века
Среди моих кармических морщин.

Царица ночи, дай луны глоток!
Я, между прочим, тоже одинок.

Я в зарослях высокой ежевики.
Меня здесь не найти и не узреть.
Я в центре снов и на астральном стыке.
Я буду сны волшебные смотреть.

Познаю много бывших инкарнаций:
Кем был тогда – теперь не все ль равно.
И осознаю сущность медитаций,
Переходя запретное звено.

Год или день прошёл,
Белый иль чёрный снег,
Я свою власть нашёл
Сомкнутых век.

Друг или враг придёт,
Был месяц май.
Но голова отпадёт,
Ты так и знай.

Если ты видишь сны,
Страх этих стен.
Берег моей весны
Будет взамен.

Год в этот день прошёл –
Беженец я.
Вот я тебя нашёл,
Повесть моя.

Читая Срама

Я кровью видел,
«Бряцающая ушами»,
Меня переполняла пустота.
Банальными, но страшными клещами
Проистекала алая вода.

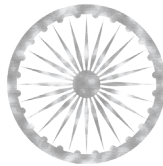
Я стоны слышал, их производил,
Душил в любви зародыши тепла.
Искал я лишь сияние светил
И жил в краю разбитого стекла.

Так было, так жилось и так свершалось,
И так любовь во мне уничтожалась.

Ведьма

Ты всегда проходишь мимо,
Мимо страшного серпа.
Ты всегда неуловима:
Инквизиция слепа.

Взгляд твой, бесом обуянный
Сатанинского огня.
Не солдатик оловянный,
Ведьма – это про тебя!

Сказка
о потерянном
времени

Сказка о потерянном времени

Не знаю, день с чего начну я,
Кого гулять пойду, встречая.
И с кем-то ночь переночуя,
Пойду мечтать о чашке чая.

Я горы высыпал в карман:
Тибет, Кавказ, Афганистан.
Я знаю сказки тех ветров,
Я видел тамошних воров
Среди дворов.

Когда-то из детства глубокого
Как бы мерещится дно.
Из сказок Мусы кривобочного
Вспомнилось недавно одно.

Эта история страстная
С детства давала по темени.
Умная, грустная, страшная
Сказка о потерянном времени.

«Знамо! – кричали они. –
Наших не проведёшь!»
Звонари, звонари –
Дикая молодёжь.

Но постепенно стух
Запах дорожных струн.
Ветреный рвётся пух
В городе нежных лун.

Очи, ночные пни
Если мешают спать,
В поле растили пни,
Ученные летать.

Каждый был занят сном
Не покладая рук.
Мы будем шутить с огнём:
Деточки, шире круг!

Время тем временем
Время от времени
Проистекало во времени.

Деточки, шире смех!
Сшейте эмблему зла.
Будет иметь успех
Благостная смола.

Будет дрожать огнём
Время из-под ресниц.
Текст становился в нём
Поводом для страниц.

Так пролетали дни,
Так горожане спят.
В поле растили пни
Старых олимпиад.

Время бежит, но как?!
Лезвие режет брод.
На́ гору лезет рак,
Он будет стрелять в народ.

Время ресниц бежало.
Что у меня? Только жало!
Что на меня? Только дело!
Что я такое – тело?!

В городе лун одиноких
Стаи ворон убогих.
Спящие ходят в лицах,
Хочет лицо умыться.

Но у спящих другие планы,
А вернее, их нет совсем.
Они строят себе истуканы
Назло всем, назло всем, назло всем!

Правду сказал когда-то
Умный торговец словом:
«Спящий в пути, ребята,
То же, что безголовый.

Тот, кто теряет время,
Вровень тому болвану,
Кто своё мѹжьё семя
Выплеснул на поляну.

Капельки капают, капли,
Люди устали думать.
Им бы играть в спектакли
И хорошенько дунуть.

Способ один, поверь мне,
Это давнишний спор.
Сказка о потерянном времени –
Медленный приговор!»

А время тем временем
Время от времени
Проистекало во времени.

2010

Потеря

Как теряем мы близких,
В вечность бежит река.
Среди помыслов низких
Низкие облака.

Непрерывно кладбище
Принимает гостей –
В свое влажное днище
Очень бывших людей.

Жизни смерть – это близко
Свежей ямы постель,
Вековая прописка,
Соляная капель.

Орошает ресницы
Влага соли полна.
Тем, кто умерли, снится
Новой жизни волна.

И уже уходила
Погребальная спесь.
Смерть его полюбила,
В этом брат мой был весь.

2015

Друг

Друг мой поступил по-русски,
Эх, увы мне, горе.
Где-то далеко, в Иркутске
Выпил своё море.

И унылая душа –
Телефонный зуммер.
Друг мой! Жизнь так хороша!
А ты взял и умер.

Что же ты! Кого спросить?
Льётся яд в канистру.
Перестань меня бесить,
Эй, вставай-ка быстро!

Что за бред – вот так лежать
И не шевелиться!
Мне хотелось убежать,
В юность свою скрыться.

Я хотел тебе сказать:
«Вспомни наше детство,
Как любили мы пугать
Это королевство.

Мы – бакинская шпана,
Грезились нам нары.
Ты мне был за братанá
До утра с гитарой.

Помню, как ты спас меня
От дурного слова.
На душе мне пасмурно,
Что ж ты сделал, Вова?!»

Вы поминки справили,
Круг ваш был не узкий.
А мы здесь в Израиле
Плакали по-русски.

Бесконечность ощущений,
Путь светлой формы.
Как непросто вернуться
В расщепление сна,
Где память является точкой
Настоящего момента.

Эй надгробия-преподобия,
Открывай ворота, здесь убогий я.
Здесь у Бога я был и сбежал,
Не на ту, видно, кнопку нажал.

Мы однажды плыли в лето,
Мы курили запах дня,
Мы искали три ответа,
И искали мы не зря.
Нет, ответы не нашлись,
Просто хорошо прошлись.

Себе он с небес –
Бесконечность.
Нам бес ухмыляется –
Вечность.
Конечность без дна –
Уже не конечность,
Когда не видна
Быстротечность.

Сон пришёл в твои покои.
Жизнь твоя в коробках.
Только знаешь, что помои
Выливать на граждан робких.

И с душой своею сам
Обошёлся столь небрежно:
Из сокровищ только хлам
Там покоится надёжно.

Будет время – ты завоешь
От тоски своей поспешной.
Ты ещё чего-то стоишь,
Мнимый, маленький и грешный.

Где простор сердечной силы?
Все предания Кайласа,
Гнев предательского Шивы
У надгробия матраса.

Так что, друг, преображайся!
Выходи, пока красивый.
В тихой радости купайся
От постели до могилы.

16 марта 2017. Индия

Поэт

Опыт свой не презирает,
Обнажая сердце всё.
Так поэт, переживая,
Дарит людям серебро.

2014

Пальцами крошат хлебушек,
Белые зреют камушки
Для сокровенных девушек –
Скатерти-самобранушки.

Пышные хлопья платицев,
Нежные, как воробушки.
Всем я готов потратиться
Ради приятной вдовушки.

Что же мне делать – хам я
Или почти маньяк.
Видишь – сегодня в хлам я,
Еле свернул косяк.

Устал и, небрежный,
Без стука вошёл.
Я вроде был нежный,
Когда подошёл.

В ваш праздник стремится
Терновый венец.
Сердце глумится,
И близок конец.

Итог подытожить,
Хмельные князья,
Нас надо умножить,
Иначе нельзя.

О чём это было?
В мерцании – свет.
На сердце уныло
Оставило след.
Усталый, безбрежный
Вошёл в эту дверь
По-прежнему нежный
И опытный зверь.

15 июля 2018

Раболепный зверь

Так близки мне ваши тени,
Тёмная душа
По скупой и тонкой вене
Трётся не спеша.

Я люблю ваш чёрный юмор
И тупой сарказм,
С вами я б в постели умер
Много-много раз.

Ваши бешеные очи
Создают огни.
Я отдам любые ночи
За любые дни.

Ваша грудь огнём пылает,
Ваш живот – ловкач.
Ваша лесь меня пытает,
Опытный палач.

Вожделенной алчной страсти
Приоткрою дверь,
И возьмёт вас в сети власти
Раболепный зверь.

2013

Это не подсказка гордой лени,
Не попытка повернуть назад.
Вышел изваянием оленя
Чей-то неожиданный заряд.

Каждому – дырявая свобода,
Каждому – лазурная печаль.
В этой речке не отыщешь брода,
Здесь, как прежде, закалялась сталь.

Горожане сколотили туши
В стройные военные ряды.
Выходила на́ берег Катюша
Посмотреть на скромные труды.

Что же вы утихли, горожане,
Или это страшное табу?
Все потенциально каторжане,
Каждый в своём новеньком гробу.

2011

Лифта, утро, снег

В голове моей играет
Музыка весенняя.
За окном моим летает
Снежное веселие.
У меня опять смешались
Временные рамки.
Очевидно, я влюбился
В безусловность самки.

И уже острота иллюзий
Не пугает меня совсем,
Если ты нужен...
То всем...

Песни Иерусалима

Я четырежды странник,
Дважды я семьянин,
И однажды охранник,
И единожды сын.

Над великой мечтою,
Над печальной стеной
Осыпаюсь листвою
За твою спиной.

Я приду в понедельник
После странствий и сна.
Тунеядец, бездельник,
И прильну у окна.

Смерть – не мера ушедших,
Это мера живых,
Только-только пришедших
Абсолютно грудных.

Я тебя жду украдкой,
Без тебя мир – тоска.
Молчаливо и гладко
Умирали века.

Я вернусь к тебе в стужу,
В застилающий дым,
Вместе с псом моим рыжим
В город Иерусалим.

2005

Так Вселенная чистит себя,
Избавляясь от мёртвого груза.
Одинока, чиста, безупречна
И готова к последующей жизни.

И будут улыбками тешить,
И будут друг друга любить.
А ну, побежденных не вешать!
Расставьте столы – будем пить!

1 сентября 2004

Нет, не станет теплее, если много огня.
Просто пахнем мы жареным день ото дня.

Серебро

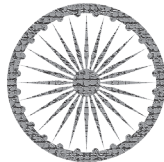
Да святится имя твое!
Пусть не в имени дело, кто знает?
Бескорыстно любви серебро,
Что от горечи освобождает.

Убеждает нас только любовь,
Побеждает, однако, отчасти.
Дай нам силы, чтоб мы могли вновь
Уберечься от жаждущих власти.

И прости нас за наши грехи
Милосердием всевышнего Бога.
Я молюсь, созидаю стихи,
За стихи не суди меня строго.

И вообще – не суди нас, больных.
Кто здесь может похвастаться силой?
Я прошу для себя, для других!
Лёгкой смерти и жизни красивой.

2016

Этот знак

Любой, кто родился, – истлеет.
Кто выжить старался – умрёт.
И тело всё время стареет,
И молодость вновь не придёт.

Поэтому зря не старайтесь
Работа, карьера, года...
А лучше друг другу признайтесь,
В чем главная наша беда

Мы верим в спасителей вечных.
И кто-то придёт нас спасти.
На стыке миров бесконечных
Бессмертие дадут обрести.

Не помогут здесь Тора, Коран.
Ну чего меня взглядом плавить?
Ведь чтоб переплыть океан,
Надо учиться плавать.

Это просто осознанный ум
И непрерывная практика.
И, может, сквозь тысячи лун
Прозреет моя галактика.

Мы здесь ещё, как ни крути,
Мир тоже ещё не старый,
Мне важно не сбиться с пути
И уйти за пределы сансары.
Рассыпаться, раствориться
И больше уже не родиться.

Начинаю забываться,
Начинаю повторяться,
Может, это растворяться
Начинает получаться?

Это может быть случится.
Это может повториться.
Не могу вам поручиться,
Что смогу остановиться.

Начинает проявляться
Удивительный замес –
Можно не сопротивляться –
Лишь осознавать процесс.

Слышу Ом и улыбаюсь.
Может, я слегка меняюсь?
И тихонько сам с собою
Хочу и растворяюсь.

В жизни не всё нам бегать
В ворох забот мирских.
Надо ещё изведать
Скрытое в нас самих.

Человек я не очень хороший,
Но, пожалуй, стараюсь им быть.
Надоело душой заросшей
Против времени вечно плыть.

Хорошо, что не многие знают,
Сколько зла совершаем в пути.
Только те, кто нас проклинают,
Тоже злобствуют, как ни крути.

Часть грехов распознал и раскаялся,
Часть ещё даже не совершил.
Чем бы кто на земле ни славился,
Явно тоже не раз согрешил.

Ну, а я полон сил, полон веры,
Не уверен, что честен всегда.
На душе всё ещё ангел серый,
Тот, что шепчет порочное «Да».

Не стремлюсь я его победить,
Растоптать, уничтожить, сломать.
Я его научился любить,
Чтобы с ним одним целым стать.

Я не очень хороший
И не очень плохой.
Отпустил свои ноши
Ночью, лунной порой,
И в дыханье ушел с головой.

Пиры, икра и дом хрустальный.
Ну, а финал всегда банальный.
Всегда один, всегда простой –
Жил господин любви пустой.

Жил, по инерции скользя.
Пред ним склонялись, лебезя.
Он вроде как решал вопросы
И секретарш хватал за косы.

Но вот однажды выдох – вдох...
И человек большой издох.
Его посмертно наградят,
А черви тушу доедят.

Будь ты слуга иль господин,
Конец, мой друг, всегда один.
О чём, признайтесь, то да сё?
Не зазнавайтесь – вот и всё.

Усы пришей,
Тузы раздай,
Не зли-ка вшей –
Левшу отдай.
Он может подковать и вшу –
Отдай Левшу!

Сон

Стены устали, дышат,
Каменные стенания –
Их никогда не слышат
Жители мироздания.

И ни о чём не спросят.
Их никуда не звали.
Их потихоньку сносят
В новый виток печали.

Свежий кирпич кладется –
Новые здания выше.
Это у них зовется
Образование крыши.

Столпотворения моды
На киловатты стали.
Временные народы
Ворох надежд листали.

Море уродскихстроек,
Хитросплетённых разом,
Масса больничных коек
Зрительного экстаза.

Сердце стучится в камень,
В камень чужого сердца.
Это случилось с нами –
Бились в глухую дверцу...

Город, разбитый в прахе,
Камень не камень, крошка,
Кто-то лежит на плахе,
Что-то мяучит кошка.

Кошка скажи, что стало
С этим великим градом?
Кошка садится рядом
Просто глядит устало.

Рыжая, прямо тигрица,
Вечно мне сон этот снится.

Третье ухо,
Третий глаз,
Тонкий слух,
Сокрытый лаз.
Нити невидимых линий –
Где-то в пустыне иней.
Солнце встаёт.
Иней тает.
Кто устаёт –
Не летает.

Обращение к пленному всаднику

Твой путь жестокий
Был ни к чему,
Растут пороки
В величину.
Колчан заряжен,
Но лука нет.
Обезображен
Кровавый след.
Всех без разбора
Ты убивал,
Но вышла фора –
Пришёл финал.
Финал обычный
Для подлеца.
Всегда трагичный
Приход конца.
Ты многих вешал,
Ты многих жёг,
А сам опешил,
Как вышел срок.
Жестокий всадник
Горит огнём.
Жаль, виноградник
Сгорает в нём
Да, жаль, поверьте,
Так много дел,
А перед смертью
Он был не смел.
Для тех, кто сеет кровавый путь,
Палач найдется когда-нибудь.

Сегодня вчера вечера,
А завтра, возможно, утро.
Но будет оно недолгим
И даже слегка неспелым.

А если тут с вечера ночь,
Луна то полна, то месяц.
Изящный поклон отвесить
И в сказку убраться прочь?

А мне неизвестно, кто мы,
И, в общем, не очень нужно.
Китайские идиомы
Весь мир произносит дружно.

События, среда, субботы.
Природные катаклизмы,
И нет у меня заботы
Буддизма-Иудаизма:

Мне измы вообще не важны.
Не злись и спокоен будь,
Религии лист бумажный,
А мне интересен путь.

Ветер носится,
Листья падают,
В гости просятся,
Сердце радуют.

В роще тёмное,
С позолотами,
Выпь запойная
За болотами.

Осень дикая,
Осень бурная,
Многоликая,
Семиструнная.

Как поёт она
Во все стороны!
Не понять слова...
Только вороны.

Понимают всех
«Хоть ты тресни!»,
Продолжая смех
Этой песни.

В темноте болот
Чьи глаза горят?
То – лесной народ.
Люди говорят.

Никого здесь нет!
Люди брешут.
Да, конечно, бред.
Стонет леший.

А кому здесь быть?
Ведьма скажет.
К нам, русалкам, путь
Кто покажет?

Там, среди болот,
Лис и медведей,
Жив лесной народ:
Бережёт зверей.

От дурных людей.
В поле носится
Запах клеверный,
В гости просится
Ветер северный.

Точка, макушка,
Ночка, избушка,
Духи парят –
Благодарят.
Летом усну
В этом лесу.
Только избушка,
Ночь и кукушка.

Помню, я говорил, январь
Если льёт – это осень вроде.
За окном одинокий фонарь.
Он пока ещё тоже годен.

Не спеши его, ветер, снести:
Здесь и так темнота повсюду.
Мне бы лодку, весло, грести
По волнам моей памяти буду.

Всех не помню,
Всех не знаю,
Песнь исполню,
Жизнь листаю.

Знаю, сон в январе – про осень,
А ещё в феврале – про май.
И опять грёзы призрачных сосен...
Я вдыхаю таинственный край.

Запах леса и ранней весны,
Запах осени или сны...
Но приходит зима и где-то,
Любят видеть сны про лето.

Дело было когда? В январе.
Детвора, детвора во дворе.

Не пойму, что значит просветление.
Не уверен, что я знаю дверь.
Иногда включалось озарение
Или проявлялся лютый зверь.

И нечасто я хожу печальный,
Верю в своего избранья путь.
Наблюдать дыхание в молчании
Весь в надежде, на когда-нибудь.

Не берусь за это поручиться,
Но надеюсь, что такое есть.
Может быть, со мной ещё случится
И прибудет благодная весть.

То придёт, что истинной зовётся,
Это не какой-нибудь пустяк:
Колесо рождений оборвётся.
Я живу, лелея этот знак.

Что есть, то есть.
Дрожит основа,
Тревожит лесь,
И ранит слово.

Кого и ранит,
Кого-то нет...
Как не устанет
За тыщи лет?

Есть в мире нашем
Один ответ:
Кому-то машем,
Кому-то – нет.

А кто захочет,
Свой путь – идёт.
Толпа хохочет,
Но он найдёт.

Там что-то было,
Там что-то есть.
Кого-то смыло,
А кто-то здесь.

Ежесекундно
Осознан будь.
Наверно, трудно,
Но это путь.

Я сам как вроде
Из небылиц:
Там вечность бродит
Среди ресниц.

Ом – знание,
В сознании –
Созвучие строения,
Созвездия сияние
Вселенского значения,
Заученное творчество
Замученного начисто
Развенчено количеством
Низложенного качества.

Сюжет, похожий на финал:
Весь мир дрожит крылом,
Богами горизонт пылал.
Джей Маха Кали – Ом.

Моей доченьке

Холодно и приятно
Ветер стучит в стекло,
Свет образует пятна,
Крышу заволокло.

Это зима приходит,
Новый рождая год.
Груз на душе проходит.
Что-то ещё нас ждёт.

Что-то из старых песен,
Что-то из детских грёз...
Дети, наш мир чудесен,
Песню поёт мороз:

«Там, высоко-высоко
Кто-то пролил молоко.
И получилась млечная дорога...»

Нежная улыбнётся
Жизнь в золотом ключе,
И Дед Мороз вернётся
С праздником на плече.

А за окном метели,
Снег серебрит наш край.
В ночь новогодней ели
Спи, моя дочь, баю-бай.

Ночью горят рекламы,
Сонный грядёт туман.
Песней от папы с мамой
Радостная Сиван.

Куда глаза?
Откуда дым?
Что за гроза
По выходным?
И почему опять январь?
Тут, сколько песню не гитарь,
Ещё декабрь не сошёл...
А я опять с ума сошёл.
Сойдёшь и ты, поверь мне, друг.
Однажды все свихнутся вдруг.
Случится мир нескучных лет.
Среди безумцов скуки нет.
Хочу январь... белом-белым
Откуда всё же этот дым?

Только любовь осталась

Нечего больше верить
В религиозный хлам.
Не о чём, вообще, спорить,
Вышел кредит мирам.

Холодно – не измерить.
Где-то метель, зима.
Сердца скрипели, двери,
Брошенные дома.

Где-то любовь осталась,
Жизнь превратилась в слух,
Что-то внутри менялось –
Меры свободный дух.

Это не я в бреду, мол,
Тихой бреду тропой.
Кто-то сей мир придумал
И наводнил толпой.

Плотное жить старалось,
Тело всегда умрёт.
Только любовь осталась,
Если она не врёт.

Капала влага глаз,
Над ароматом грёз –
Сумеречный экстаз.
Тёмная брага слёз.

Падала капля сна
Полупрозрачных век.
Это идёт весна?
С ходу бёрет разбег?

«Только вот рано ей», –
Шепчет зима. И вот
Ворохом снегорей
Песню себе поёт.

Ранний снежок кружит,
Лёгкий мороз пристал...
Это внутри дрожит,
Это ресниц хрусталь.

Тонкая влаги нить
Льётся из этих поз.
Некого здесь винить.
Это трещит мороз.

Только бы не похоть,
Ну не в этот раз
Памятник отгрохать
Из неспелых фраз.

Неумелых строчек
Лепестками роз
Мой корявый почерк
Под ногами рос.

Вырос, заискрился
Строчкой января,
Серебром клубился,
Текстами паря.

Ва Ши ва ши ва Махадев...
Над Кайласом
Мне дыхание согрев,
Тонет басом.
Ом нама Шивая
Ом намо...
Музыка живая,
Всё само.
И никто никого здесь не судит,
Сияет гора серебром.
Пусть вечно над миром прибудет
Великая практика – Ом.

Непонятый и непринятый,
Плодящий в себе уродцев,
В безумии своём покинутый,
Жил город семи колодцев.

Похмельный и гениальный,
На утро себя сжирая,
И музыки круг сакральный,
Не схожий с кругами рая.

В безумии своём продвинутый,
Ранимый, больной ребёнок,
Лишь музыкой не покинутый,
Любившей его с пелёнок.

Он – город семи отверстий,
Семь нот, семь кругов листая,
Он выбрал одну из версий,
Стремительно умирая.

Поэма о боли

Поэма о боли

На «Кадиш» Александра Галича¹

Нам в память вводят мертвецов
С историей в устах
О том, как стаи подлецов
Приумножают страх.

Гостеприимный прах отцов,
Задумчивых могил
Для нас, застенчивых глупцов,
Был запах смерти мил.

«Ты знаешь, что такое боль?» –
Спросили у мечты.
Мечта сказала: «Эту роль
Не знаю я почти.

Скажи мне, что ты натворил?
На сердце раны брешь.
Кадиш твой болью воспарил,
Хоть выкинь и отрежь!»

Я помню Корчака слова,
В память приходится верить:
«Я никому не желаю зла.
Не знаю, как это делать».

¹ С благодарностью Макс и Тане.

Однажды, сидя за рулём,
Мой друг лакал слова.
Всё это было утром, днём,
И мы с тобой рыдали в нём,
В вагоне, что пропах огнём,
Он хлоркой пах тогда.

Всё это было не теперь,
Не с нашей головой,
Но это было, правда? Верь!
А значит боль с тобой.

И значит Бог с тобой всегда,
А может, Бога нет?
Как допустить Он мог тогда,
Всё то, что спел поэт?

Они спросили: «Ты поэт?»
А он ответил: «Да».
«Тебя тут не было, и нет».
И он ответил: «Нет».

Всё это было: эшелон
И жёлтая звезда.
Своё последнее «шалом»
Кричали поезда.

Ян Корчак, может быть, простил,
А дети им простой
Мотивчик пели из могил

Про клевер золотой:
«Над большою горкой пепла злой
Клевер, клевер, клевер золотой».

Промолчи, промолчи,
Промолчи!
Снова скажут «яволь»
Палачи.

Снова скажут: «Собрать всех в вагон!»
И отправят дровами в огонь.

Гори-гори ясно,
Чтобы не погасло.

Что ж вы, суки, неужто не знали,
Что придётся ответить в финале?

Перед болью и перед Богом,
Перед маленьким детским гробом.

Но кровь была и детский плач,
Куда же их девать?
Что за беда, ведь их палач
Умеет малевать.

А кровь они закрасят
Хоть в цвет какой-нибудь.
Лежала на матрасе
Застенчивая жуть.

И станет грязно-грязным свет,
Как говорил уже поэт.
Ведь этот свет – он любит грязь,
В какой ты цвет его ни крась.

Они спросили: «Ты поэт?»
И били морду злясь.
А он ответил: «Я – поэт,
А вы, простите, мразь».

Ну, раз упрямуешь, поэт,
Садись на поезд, вот билет!

Уходят из России поезда,
Уходят из России поезда,
Уходят из России поезда,
А в них шестиконечная звезда.

И выслали поэта из страны
В зените славы ледяной войны.
А я твержу, твержу как заводной:
Клевер, клевер, клевер золотой.

Последний раз – изгой своей страны –
Слезами глаз на злобу Сатаны.

Ах, когда я вернусь?
Никогда!
Эта боль отпадёт?
Никогда!

Это сон! Я проснусь?
Никогда!
Ностальгия пройдёт?
Никогда!

Он уезжал, вагон гремел:
Несчастливая страна.
Скажи спасибо – не расстрел,
И лопнула струна.

Я, знаешь, не лелею боль,
Но увлечён игрой.
Я на себя примерил роль.
Прощай, поэт-изгой.

Когда я стану маленьким
И буду видеть сны,
Я расскажу вам, стареньким,
О доброте весны.

Когда я стану маленьким,
Пусть войны пропадут,
И люди успокоятся,
И доброту найдут.

И кто-нибудь отважный
До счастья доплывёт.
Кораблик мой бумажный
Вам никогда не врёт.

И снег запахнет яблоком,
И будет добрым лес,
Когда я стану маленьким
В своей стране чудес.

Но мы пока втроём. – Не спишь?
– Не сплю, не вижу грёз.
Ты мне читал, читал кадиш
В машине, полной слёз.

Ну что, поехали ко мне?
Над Лифтой – тишина.
Моя душа плыла во сне,
Любви не лишена.

Источник, старые дома,
Ты на окне сидишь,
И мы втроём жуём слова,
А в голове кадиш:

Йитгадаль ве-йиткадаш Шмей раба. Амен!¹

Он был поэт, он говорил.
Палач его приговорил.
Теперь и ты узнал ответ:
У грязи, в общем, цвета нет.

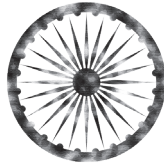
¹ Первая строка еврейской поминальной молитвы, прославляющая святость имени Бога и Его могущества и выражающая стремление к конечному искуплению и спасению.

Погиб поэт – невольник грусти.
Внезапно голову сложил.
Он болью был – писал по-русски.
Еврей кадиш ему сложил.

Теперь я знаю, как болит,
Теперь я знаю, что болит,
Теперь я знаю, где болит,
Теперь я знаю – боль горит!

Гори-гори ясно,
Чтобы не погасло.

2015

Странник

Ах, милая, я не был в Бангладеше
И в Шри-Ланку тоже не попал.
Меня вчера поцеловал Ганеша,
Я – ликовал!

Последняя ночь крадётся,
Как точка из запятой.
Знаешь, как выглядит страх глубины
Твоего содержания?

Нежен луг от страстей и росы.
Трепетной дрожи сталь улыбнётся.
Страх обернётся туманом,
Станет белее снега.

Души роняют флаги
Старых вселенских басен,
Но даже в клочке бумаги
Вижу, как мир прекрасен.

Страхи? Ну ладно, страхи...
Крошечные видения.
Шепчет снежок на плахе:
Эдичка, с днём рожденья!

2017

Снова помер

Перед тем как снова помер,
Я успел увидеть море
И успел увидеть горы,
Славу пережил и горе.

Отработал, отучился,
Отроптал и отлучился,
Отыграл, отволновался
Отвергал, перерождался.

Отбоялся, отсидел,
Оправдался, поседел.
Пораскинул по сусекам:
Зверем был и человеком.

Пел стихи, печатал книжки.
Дочка есть и два сынишки.
Был любим, всегда влюблялся,
Чувствам не сопротивлялся.

Был волшебником и магом,
Рикки-Тикки был и Нагом.
И всю жизнь искал ответ:
Есть Я или меня нет?

Отыграл, как мог, свой номер,
Перед тем как снова помер.

2017

И уже не знаю,
С кем я остаюсь.
В жизнь слегка сыграю,
Тихо растворюсь.

Происходит битва.
Ветер перемен
Стал подобен бритве
Пиковых измен.

Снежным был сугробом.
Траурная шаль.
Пусть за этим гробом
Не грешит печаль.

Пусть не спешат равнины
Дать земли надел.
Алчные пингвины
Похоронных дел.

Не спешите: будет
Хоронить меня.
Вы поймите, люди,
Ведь не умер я.

Просто растворилось
Это тело вновь.
И переродилось
«Я» – в любовь.

2017

Куда идёшь,
Откуда вышел,
Чего ты ждёшь
Под этой крышей?
Кому сказать,
Аж слово реет:
Весь мир
Стремительно евреет.

2018

Моя галактика в твою галактику
Входила нежная – такая практика.
Любовью светлая искрит планетами
И извергается всюю кометами.
В твою галактику моя галактика –
Есть в нижнем космосе такая практика.

2018

Уйти в этот день последний
В лес души моей заповедной.

Почему печальный
Сердцу милый взгляд?
Ветер погребальный,
Траурный обряд.

Схоронил сегодня
Я нечистоту,
И теперь свободно
По земле иду.

Ну, а если надо,
Если захочу,
Улечу в прохладу
И захохочу.

Так что улыбайся,
Чистая вода,
С болью расставайся
Навсегда.

2018

Я её лишь зимою вижу,
Как она нам дарует сны,
Как она надевает стужу,
Носит это с собой до весны.

Я стыжусь её и держу,
Как снежинка, я с ней кружу,
И как есть, на ветру я дрожу,
Всё же этим я сном дорожу.

И имеет она успех,
А глаза её лёд и сталь,
А на шее приятный мех.
И устами её хрусталь
Из снежинок сплетает смех,
В голубую взлетая даль.

И никто её здесь не знает,
Только я иногда лишь вижу:
Над зимой её дух витает
И дыханье носит стужу.

Вся из снега кружит до весны.
Пусть вам добрые снятся сны.

Льёт – и значит осень,
Даже если январь.
У зимы мы не просим
Красить листья в янтарь.

Что за осень? Январь, холодрыга.
Что нам листья, пожухлый твой лес?
Не к сезону, крестьяне, мотыга.
Не пора ли спускаться с небес?

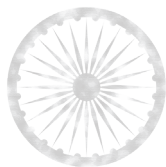
Осень – это зима или лето?
Календарь нас не мучает зря,
Просто где-то гуляет комета,
И погоду меняет заря.

Мне крестьяне тогда отвечали:
«Ох, чудны твои речи, дружок».
Нас на небе ещё не встречали,
Мы земле отдаём свой должок.

Словно знак грядущего надлома,
Из меня посыпалась гроза,
Я утратил ощущение дома,
Не могу унять свои глаза.

Дом, что нас с тобой объединял,
Не из кирпича или бетона.
Дом души, который потерял
Рельсы уходящего вагона.

И ушёл вагон души в кювет,
Нету рельсов и вагона нет.

Карней Химтин

*По незримым строкам, Саладин,
Я читаю с голого листа.
Не забыли войны Христа
Поражение при Карней Хиттин.*

Рога Хиттина

Мы рождены, чтоб сказку сделать болью.
Последний бой, последнее «ура».
Твои доспехи, съеденные молью,
Пронзает сарацинская стрела.

Забыв про то, как пахнет влага,
Красивый всадник обнажает меч,
И мчится в лоно смерти бедолага,
Чтоб честь свою пред Господом сберечь.

Сражаясь за безумные идеи,
Забыв, что были созданы любовью,
Христиане, мусульмане, иудеи,
Мы рождены, чтоб сказку сделать болью.

2016

¹ Со времён крестовых походов европейцы называли сарацинами всех мусульман. В настоящее время историки относят этот термин к населению Арабского халифата в период с VII по XIII вв.

Наложница

Спойте мне, прекрасные уста,
Про средневековые бои,
Про великих воинов Креста,
Про турниры громкие твои.

Я хочу услышать про поход,
Что собрал огромные полки.
Боевой тогда собрался сброд,
Ставки – больше жизни – высоки.

Спой мне битву при Карней Хиттин,
Даже если больно вспоминать
То, что сам Айюб Салах ад-Дин:
Короля, – сказал, – не убивать!

Эту тему быстро пролистаем,
Плачешь ты, о битве той скорбишь.
Мы всегда когда-то умираем,
Скорбью никого не воскресишь.

Спой тогда про что-нибудь другое,
Про пиры и пылкую любовь.
Что же, милый друг, опять с тобою?
Почему печально хмуришь бровь?

Что, принцесса, ты грустишь всё время?
Не принцесса больше ты – мне жаль.
Ты теперь наложница в гареме,
В расписную кутаешься шаль.

Не лежит здесь голос к песне звонкой.
Соловей в неволе не поёт.
У тебя кинжал, как бритва, тонкий.
Что за путь твой разум изберёт?

Твоё сердце иль живот султана –
Скоро не придётся выбирать.
И склонилась грустно у стакана
Старину рабыня вспоминать.

2018

Рено де Шатильон¹

После долгой битвы,
Не жалея сил,
С запахом селитры
Дождь заморосил.
И на поле боя,
Праздную беду,
Войско молодое
Корчилось в бреду.
Ангелы кричали:
«Обезглавлен он!

¹ Рено де Шатильон – французский рыцарь, участник Второго крестового похода.

Рыцарь злой печали –
Рено де Шатильон».
На Рогах Хиттина¹,
На семи ветрах
Воины Саладина
Их разбили в прах.
Смерть свою встречали
С чистого листа
Рыцари печали,
Воины Креста!

Битва состоится,
Выбирай мечи.
Огонёк искрится,
Огонёк свечи.
Выбирай доспехи,
Оседлай коня.
Удаляй помехи
Среди бела дня.
Догорает пламя,
Догорает жизнь.
Ветер носит знамя
Множества отчизн.
Огонёк нестройный,
Ты умчался прочь
В мир потусторонний,
Затмевая ночь.

¹ У подножия Хиттинских Рогов 4 июля 1187 года произошло знаменитое сражение войск Салах ад-Дина (Саладина) и армии крестоносцев, закончившееся полным поражением последних – битва при Хиттине.

Синайские хроники

Ходил песок безжалостной спиралью,
Дышали камни выжженной пустыней.
Здесь море красоты необъяснимой.
Останусь здесь, прильну к соскам любви,
Восстану бедуином тишины.

Уже в забываемой ночи,
Уже когда шакалы замолчали,
На лошадях галопом проскакали
В безумном темпе всадники-грачи.

Покрытый бедуин промозглых сколок,
Я сам не промах в этом ремесле.
Так что безудержный погонщик
Где-то рядом.
Земля смеётся виноградом.

Здесь полно исхудалых собак,
А вокруг только острые скалы.
Бедуины курили косяк,
Молодые ещё аксакалы.

Сестра

Как смерти тень пронзительна быстра,
И телефон меня обескуражил.
Раздался голос: «Умерла сестра!»
И капали из глаз кусочки сажи.

Тут вой не вой – назад не отмотаешь!
Да надо ли отматывать назад?
Когда ты эти строки прочитаешь,
Мой будет слёзный затуманен взгляд.

Сестра, ты в детстве сказку мне читала
Про Африку и маленьких детей,
Ну а теперь, когда тебя не стало,
Осиротел сегодня Бармалей.

Я знаю, что душа твоя светла,
И будет встреча в новом воплощении,
Ведь если кармы движется метла,
То каждый попадёт под сокращение.

Когда пройдёт души твоей испуг,
Пусть светлым будет новой жизни круг!

2016

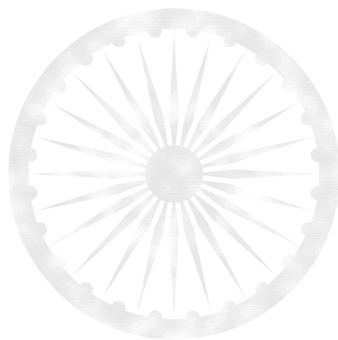
Русло молодой реки.
Голод и бедуинские руки.

Запах погонщика.
Потный утёс скалы.

И море на вираже.
Небо, небо.
Ах, если бы мне бы...
Но это другой уклон.

Если мираж,
То это внутри тебя.

И тень уползающей стали
Напомнит нам сказку многих.

Вера простой собаки

Даже если ты видел знаки,
И они говорят большое,
Дай мне веру простой собаки
С её праведною душою.

Если хочешь, тебе отвечу:
«Вера – это любовь», – не прячу
И иду я к себе навстречу
От того, кто хотел иначе.

Своих слёз не стыдился, знаю,
Был с рождения откровенным.
Я умею летать: летаю,
Хоть и числюсь обыкновенным.

Как кружу я над тополями
И люблю просто так, без шарма,
А когда говорю стихами,
То светлеет любая карма.

Да, я знаю, в дороге млечной,
Одинокий в своих скитаниях,
Но люблю я любовью вечной
Жизнь в бессмысленных испытаниях.

И летаю я – вольный ветер,
А в душе колосятся злаки,
Потому, что я чист и светел.
Дай мне веру простой собаки.

Л. Юкельсон

Сказано – рассказано,
Молвлено у – несломлено.
Унесло ли вас словом?
Веслом говорящих фраз?
Даже словом он лечит,
Язык гибкой речи.
Промолвлено было сто раз.
Просто сказано:
Игры разума.

Это трескаются гвоздики
Преимущественно в анис.
Слово «трезвый» и слово «дикий»
Проросли головою вниз.

Да и вверх прорастают тоже.
Да подумаешь, ну и что же?
Прорастают, сплетаясь фразами,
Словно устрицы с водолазами.

Проявляется как девиз:
Долго вверх идти – долго вниз.

Я что-то не пойму,
Взялась откуда злоба.
Духовную тюрьму
Взлелеяла утроба.

Кастрат ментальных снов,
Остывшая реальность.
Обидных горьких слов
Смертельна гениальность.

Отпала тишина
Костром для тонкой силы.
Устала, лишена
Своей любви красивой.

Не миновать беды,
Пока у мук есть зритель,
Распятый от балды
Искусственный спаситель.

Сомнительна луна,
Когда на сердце рана.
Давно искажена
Статуя истукана.

Густеет раны стон,
Но в нём любви есть сила.
Исчезнет старый клоун
Беззлобно и красиво.

Арена, пустота.
Уходит не прощаясь.
Сияет красота,
Над смертью возвышаясь.

Нет меня больше тихого,
Нет меня больше громкого.
Просто дыханье нежное,
Просто ресницы бабочки.

Плавное,
Постепенное,
Главное,
И всё ленное.
Стылое, если крошится.
Тёплое, если плавится.
Мало кому захочется
В море его отправиться.

Да и не море это,
Это летит комета.

Маленькая душа

*Диалог Маленькой и Большой Души
по мотивам притчи «Маленькая Душа»¹.*

Маленькая Душа:

Душа сказала:

– Я хочу светить!

Большая Душа:

– Свети, – сказали ей, – сиянием света!

Маленькая Душа:

– И всех людей давно хочу простить.

Большая Душа:

– Постой, – сказали ей, – дождись ответа!

Большая Душа:

– Чтоб проявиться в мире суеты,

Нам тоже нужно в тело одеваться.

Коль нет обиды, нет и красоты

Прощать врагов и жизнью восхищаться.

Прощение какой-то ерунды,

Небрежного вранья, дурного слова?

Нет-нет, оно не стоит и труда –

Из светлого ничто опять сюда.

¹ Автор – Нил Дональд Уолш.

Не забывай, что для твоей мечты
Мы вырвали себя из пустоты.
Лишь для тебя мы станем палачами,
Злодеями с ужасными речами.

Маленькая Душа:
– А если я забуду суть игры,
Поверю в муки злого истязания?

Большая Душа:
– Ты посмотри на искренность зари
И осознай души своей сияние.

Но если всё ж забудешь договор,
Придётся стать надолго человеком,
И будешь с кармой суетливый спор
Осуществлять, страдая век за веком.

Готова ль ты такую муку снесть?
А здесь ты можешь вечность наслаждаться.

Маленькая Душа:
– Готова, ведь и я благая весть
И не боюсь среди людей рождаться.

Как много там блуждающих в пути
Невежества и ханжества дурного.

Большая Душа:
– Но раз решилась, так и быть – свети!
И дай им чистоту пути другого.
Там и без нас злодеев будет тьма.

Маленькая Душа:

– Как раз злодеи больше всех страдают,
Их жизни – беспросветная тюрьма,
Сквозь ханжество туда и попадают.

А я хочу лишь осветить им путь.

Большая Душа:

– Что ж, роли выбраны. Вращайся, Колесо!
Опять к Земле Спаситель наш стремится.
Ну а пока прошу тебя ещё
Обратно в светлом мире проявиться.

Человек:

– Так приходили Будда и Иисус,
И многие другие нас учили,
Сияя в нашем сумрачном лесу,
Нас долго от невежества лечили.

А на Земле Мессию ожидают,
А как придёт – сейчас же убивают.
И тут же Церковь новую кладут,
И нового опять Мессию ждут.

Январь 2018

В плену домов, красивых башен,
Среди зеркального стекла
Мой город яствами украшен,
Их молодёжь приволокла.

Как люди-камни верят, жизнь – еда,
И воют без особенных причин,
Так в город мой спускается беда
На страх и ужас глупых молодчин.

Как старая коза роняет мех,
Как вольный путник не считает дни,
Так горожане свой теряют смех
И остаются, в сущности, одни.

Сигнальные огни своих личин
Они раздали в русла новых рек.
Число самоуверенных мужчин
Удвоит только армию калек.

Старик сказал, что город весел
Лишь потому, что светел лик,
А город взял его – повесил,
Он к комплиментам не привык.

Среди домов, среди иллюзий
Стоят бетонные сады.
Ах, бедные мои вы люди,
Мои свободные рабы.

2008

Гулко звучат шаги,
В здании грустно,
Ночь, тишина, враги.
Приговор – устно.

Тихо звучат слова,
Отзвуки – грозно.
Крóшится голова,
Это несложно.

Вот поворот – бежать,
Там коридоры.
Нам глубоко плевать
На приговоры.

Крыши, фонарь, чердак.
Скорость – опасно!
Надо бежать, но как?
Это неясно.

Сзади звучат шаги.
Ближе я слышу:
«Прыгай! Не стой! Беги
Вон на ту крышу!»

Быстро, разбег, толчок.
Птицы летают.
То ли трещит сверчок,
То ли стреляют.

Мне повезло, мой Бог.
Прыгнул я, спасся.
Ну а другой не смог,
С пулей остался.

Часто во сне смотрю
Сны о погоне.
Крепкий табак курю
И слышу стоны.

Я избегаю слов,
Говорю прозой.
С крыши поверх голов
Капают слёзы.

2003

И пришёл новый день в наш дом.
В тёмной комнате тень с котом.
Просят нас наблюдать себя.
Он – дыхание, выдох – я.
У меня нет вопросов к вам.
Я пошёл разгрести свой хлам.

На пороге Вселенной

Я с тобой до конца, если надо.
Я с тобой до конца, если хочешь.
Это всё не пустая бравада
На пороге таинственной ночи.

Мы любили друг друга на крыше
И познали великие тайны.
Мы взобрались немного повыше
И увидели купол хрустальный.

И гуляет кармический ветер
Над простыми людскими делами.
А на землю спускается вечер,
Фонари зажигая над нами.

Я с тобой, если хочешь,
Влюблён вдохновенный.
У таинственной ночи
На пороге Вселенной.

2017

Если б я верил в лица,
Знал бы, что есть вода.
Но в сердце моём теплится
Раненая звезда.

Если б я умер голым,
Стоя на голове,
И пренебрёг престолом –
Жил бы в самом себе.

Глупости бы болтал,
В чём я и так силён.
Имя б своё узнал,
Имя своих племён.

Стал бы гулять по крышам,
Воздух лакал, росу.
Пел бы летучим мьшам
Хитрую про лису.

Был бы неотразимый
Среди иных юнцов
И полюбил бы зимы,
Зимы былых отцов.

Так и гуляю, светел,
Так и живу, любя.
Лунной дорожкой ветер
Песню поёт меня.

Удобное рабство

Он, незрячий, сыпучий, глухой,
Постигал естество рождений.
Запах жизни твоей пустой –
Философия заблуждений.

Разве слышит он шёпот леса?
Каждый может себя обмануть.
Отражает он в зеркале беса,
Но не смеет на это взглянуть.

Он философ конструкций
Маньякального мнения.
Апогеем своих деструкций
Называет ума заключения.

Мало им заключённых,
Лишают свободы разум.
Плодят они обречённых,
По голым ступая фразам.

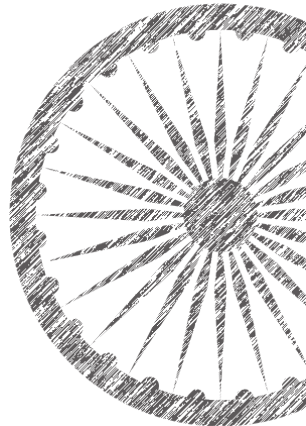
Ну а ты на секунду прозрел.
Он свой путь только что осознал
И сиял, пока жил, и любил, как дышал.

27 мая 2018. Лифта

Как же надо любить, чтоб сердце
Раскрывалось одно на всех.
Не могу я забыть ту дверцу,
Даровавшую мне успех.

Ну а главное, что душою
Не черствею я никогда.
Если надо – урок усвою
Без обиды и без следа.
Я уйду не на поле брани,
А на поле своих стихов.
Эта сила сродни цунами,
Долгой жизни среди грехов.

Я не знаю, зачем печали
Появляются среди нас.
Те, которые нас встречали
И венчали в который раз.

Стонет город,
Стынет град,
Холод, голод,
Виноград.
Погребальный, похоронный
Приготовили наряд.
Из толпы галдят,
Из толпы глазеют,
На процесс глядят
Люди-ротозеи.
А покойник весь,
А покойник аж
Понимает лесть,
Видно, входит в раж.
Розовеет сам,
Исчезает сон,
Люди чудесам
Верят. Вот и он
Поднимается.
Улыбается.
Под людьми же снег,
Нагревается.
И толпа вопит,
Вся синхронная.
Музыка не спит
Похоронная.
И оркестр врёт,
Надрывается.
И толпа орёт,

Разрывается.
Стонет-стонет город,
Стынет-стынет град.
Это было в холод,
Нисхождение в ад.
А толпа кричит,
А толпы уж нет.
Тишина молчит
Много-много лет.

2003

Студент грызёт науки камень,
И не гранит, а лунный срез.
Ему друзья сказали: «Парень,
Айда гулять!» – Он наотрез.
Не хочет он гулять, сердитый,
Веселья чашу не испил.
Он в иксе игрек ищет скрытый,
И так себя он убедил,
Что дни и ночи изучает
Движение маленькой частицы.
Ответ пока не получает –
Лишь боль в районе поясницы.

Босому

Умер поэт, поэт!
Это не просто звук.
Не покладая рук,
Светят ему с планет.

Ветренный и простой,
Добрый, великодушный,
Иерусалим, постой!
Древний и непослушный.

Камни твои всегда
Знали чужие тайны.
Сказочная гряда,
Занавес был хрустальный.
Нет, мы не зря пришли
В мир быстротечной краски.
Сердце своё нашли
И растворили маски.

Так и ушёл один,
Умер и обезроден.
Сириус – господин,
Ты, наконец, свободен...

Не знаю, сколько лет пройдёт,
Не знаю, сколько слов,
Но нас когда-нибудь найдёт
Коллекционер голов.

Придёт он в тихий летний день,
А, может быть, зимой.
Когда покроет землю тень,
Прощайся с головой.

Но разве это – повод,
Но разве это – груз?
Избавит жуткий овод
Тебя от всех обуз.

Проходит время, снег сошёл,
И уж пришла жара,
Никто за жертвой не пришёл,
И голова цела.

И нет печальней сказки,
Счастлив и глуп финал:
Ты создавал лишь маски,
Но их не оправдал.

Лишь тишина – и тело
Уже без головы.
Кропал снежок несмело
И заметал следы.

2003

Иуда I

Страх затих на задворках зари,
Нежный трепет цветущего града.
Новый нам путь озари,
Светлоокая дева Паллада.

Свастика сияет на макушке
Над звездой Давида тыщу лет.
Сколько мне ещё, скажи, кукушка.
Нет, молчи и не давай ответ.

Не нужна мне мудрость птицы ленной,
Сам могу, коль хочешь это знать.
Как Иуда, брат моей Вселенной,
Постигал иную благодать.

Тёмной лести капельками блуда
В Гефсиманском стареньком саду
Предавал забвению Иуда
Соли судьбоносную звезду.

Страх затих – надолго ли, спросите,
Бред бывает явью. Нас любя,
Где ты был, таинственный спаситель,
В час, когда растратили тебя?

Страх затих, невежество – гори!
Дураки стращают гневом ада.
Новый нам путь озари,
Светлоокая дева Паллада!

Андра

Как простая вереница
Появляется беда.
Мне ночами только снится
Серебристая вода.

Королева белой ночи,
Твоя свита – палачи.
Твои дни теперь короче,
Твоя письменность – ключи.

Ты живёшь в глуши дремучей,
Дева леса мёртвых снов.
Над тобою – только тучи
Отсыревших голосов.

Твои локоны прекрасны,
Твоя сила – в красоте.
Твои помыслы опасны,
И они на высоте.

Жизнь твоя – красивый слепок
Удивительной души.
Этот мир не очень крепок,
Только ты живёшь в глуши.

Твои губы – алчный ветер,
Твои мысли – чистый лист.
Взгляд души кристально светел,
Гнев твой праведен, лучист.

Вереницею злодея
Я скользил по небесам.
Я любил вас, Андра-фея,
Слепо веря чудесам.

Детское

Я хочу сказать вам, дети,
Всё же есть на свете йети.
Рассказал ещё я в школе
О Лох-Несском звере Коле.

И ещё сказал не к спеху
Про Бермудскую прореху.
Что бедует треугольник,
Это знает каждый школьник.

Перевёл тихонько стрелки
О летающей тарелке
От Сатурна до Урана.
Рифма, блин, марихуана.

Нет-нет-нет, ведь не об этом
Я хотел вам рассказать.
И читал стихи планетам
Я, когда ложился спать.

Осознание

Усталость не последняя,
Ни горе, ни вода.
А просто вдруг случилась
Реальная беда.

Процесс неоднозначен,
Условия любви:
Что будет, срок означен –
И целы журавли.

А я не динозавр,
И я не Дон Кихот,
Простой кавказский мавр.
Меня всё время прёт.

Любовь – сложна наука,
Мне не хватает Вас.
Удачная разлука
На мой иконостас.

Живу сквозь бредни лютый –
Но всё ещё живой.
Влюблённый и забытый,
Униженный собой.

Во мне пылает ветер,
Я верю этим снам.
Пусть добрым будет вечер,
Как ты, к моим стихам.

Какая луна, смотри!
Шорохи в жаркое лето,
Вечер несёт прохладу
И запах листвы пожухлой.
Какое такое завтра?
Мы живы ежесекундно.
Вчера только слышал твой голос!
А ночью её не стало.
Уходят друзья, уходят...
А может, до скорой встречи?
Живая трепещет влага,
Тайной покрыта сила,
Силой прозрачной – слёзы.
У магии нету смысла.
Живу, упиваясь светом,
Сегодня её не стало,
А завтра опять случится.
Эх, море моё устало
На горе чужое литься.
Туманы Иерусалима
Над Лифтой клубятся паром.
Последний был чей-то выдох,
И новый был чей-то вдох.

30 июня 2018

И ты, угрюмый царь,
Как мог, смешил людей.
Великий государь,
Уже бери, владей!
И голос из толпы,
И долгая молва –
Невежества толпы,
Удобные слова.

Но шёпот или крик –
То царские дела.
А он смешал парик
Корону и тела.

Откормленный аскет –
Его ближайший друг,
Но бродит пистолет
В ладонях дерзких рук.

Когда кончают спор,
Уносят и тела.
Но не выносят сор
Из царского села.

И только слов, как встарь,
Хватает на укор.
И вот смеётся царь
И пишет приговор.

2005

Песни

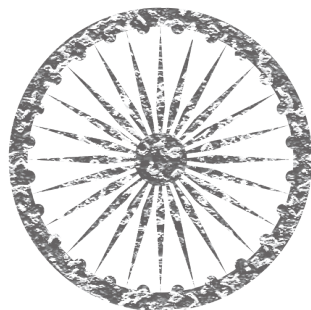

Пеликаны – великаны

Ветер гонит тучи прямо,
Взгляд тяжёлый и упрямый.
Пусть растут кругом бурьяны,
Пеликаны – великаны.

Вон, луна посеребрилась,
Ведьма пьяная напилась
И носилась,
Над болотами бесилась.

Гонит, гонит тучи ветер,
Бродят духи по планете.
Это сети,
Это сети.

Королева юга

Голые долины,
Дуют ветры злые,
Вся проистекающая быль.
Чередой стремятся,
А метели злятся,
Падая на землю, словно пыль.

Королева юга,
Погоди, подруга,
Северную песню заводи.
Были-небылицы,
В них – тоска блудницы
И не очень праведная жизнь.

Град опустошённых,
И сердца влюбленных,
Снегом запорошены огни.
Пустота лоснится,
Люди прячут лица,
Доживая маленькие дни.

Королева стужи,
Леденеют лужи,
Заунывный северный мотив.
Королева ночи,
Дни пошли короче,
Голые, простуженные дни.

Ледяного плена
Тьма благословенна,
Вся проистекающая быль.
И в леса густые
Дуют ветры злые.
Заповедник северный остыл.
Остыл.

2007

Шакалы

Слышишь, воют шакаловы смутные пасти,
Разбивайте бокалы, забудьте напасти.
У далёкого берега лесу немного,
Где тебя всё равно ожидает дорога.

Торопись поскорее, скоро солнце потухнет,
Только филин не зря среди сумрака ухнет.
Ты придёшь в темноту, где так пахнет жаркое,
Где тебя ничего никогда не расстроит.

И как будто бы бред у тебя под ногами,
Сотни тысяч комет созидают цунами.

1997

Смерть Большого человека

А к Большому человеку
Смерть представиться спешит:
Я ищу тебя по свету,
Страсть-огонь внутри горит.

У меня зрачки дрожат,
Я старуха – два ножа.
Я любовь тебе свою
Беспредельную дарю.
Человек – он глупый малый,
И от смерти он бежит,
Только взгляд его усталый,
И бедняга весь дрожит.

Как же, смерть уже пришла,
Значит, жизнь уже пропала.
И старуха-смерть устало
Говорит ему: «Ты зря
Убегаешь от меня,
Разве я тебе не пара?
Ты велик среди людей,
Ну а я в покровах смерти
Не последняя, поверьте.

Так что глупо, дорогой,
Ты уже одной ногой».

Он кричит: «Ты кто такая?
У меня своя, живая...
У меня своя прислуга,

На земле моя заслуга.
У меня такие ты...
У меня такие пы...»
Но ему в ответ она
Тихо так произнесла,

Тихо-тихо так сказала:
«У червей свои дела,
Срок приходит, срок финала.
Так что брось со мной дурить,
Я сказала – хватит жить!»

1998

Нет, не это и не то

Нет, не это, нет, не то!
Стынет лето сквозь пальто,
Стонут ветры, холод, дрожь,
Километры диких рож.

Килограммы грубой лести.
Не сиделось нам на месте.
Нет блядей и нет идеи.
Мусульмане, иудеи.

Стоит ли так гоношиться,
Тело вскоре раскрошится.
Есть земля, в земле есть яма.
Охи-вздохи, пранаяма.

Эй, мулла! Равнины, эй!
Ваша очередь, ей-ей.
Нет, не то, не в это лето
К нам приблизится комета.

Или нет, скорее вот
Страшным будет новый год.
Так что нет, пока что да.
Кто там стонет, господа?

Это море тонет в море,
В море тупости и горя.
Дикой страсти дух польстил,
Кто-то нас опять простил?
Сколько боли, сколько зла!
Вся история – зола,
Пепел, прах, потеря воли.
В небо я кричал: «Доколе

Это будет продолжаться?!»
Мне оттуда отвечали:
«Чтоб увидеть путь вначале,
Продолжай перерождаться.»

Нет, не то, причём здесь это?
Бедная моя планета.

18 ноября 2017

Самая последняя песня Сильвера

Мы на Острове сокровищ,
Каждый шаг опасен здесь.
Если в море не утонешь,
Может, в землю ляжешь весь.

Лес таинственный и древний,
В нём густая тишина.
С виду он обыкновенный,
Только суть его грешна.

Здесь пролито столько крови,
Столько было здесь смертей.
Сам себя ловлю на слове,
Будто тысяча чертей.

Отзываются из леса,
Улюлюкают, зовут.
Черный Пёс, хмельной повеса,
Верно, мучает сову.

Нет, стоит он рядом с нами,
Бледный и едва живой.
В голове моей цунами,
Что мне делать с головой?

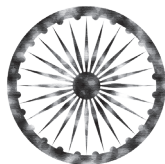
Виски пить? Не помогает.
Страшно, странно здесь, темно.
Флинта дух – он здесь летает,
Вот что нас всех угнетает
И пугает нас давно.

Ночью, сумрачной, ненастной,
Здесь густеет тишина.
Безысходный путь опасный.
Что за шум?! Трещит сосна.

Может, нету здесь сокровищ.
Эй, вернёмся – кто живой?!
Но близки глаза чудовищ,
Листьев шорох, ветер злой.

Мы на острове, но остров
Сам по-своему живёт.
Он в себе рождает монстров
И таких, как мы, жуёт.

И на Острове сокровищ
Никаких сокровищ нет!
Видел я глаза чудовищ
И свой последний лунный свет.

Малиновые обноски

Рыба однажды
Смотрела.
Я
Увидел аквариум,
Дважды его обошёл,
Рыжая, цветом своим восхищаясь,
Смотрит в лицо
Необъятному своему наблюдателю.
Думаю: «Это ль не Я».

Я то важен, я то нежен.
Я без толку, я безбрежен.

Сегодня праздник королевский,
Сегодня балуют народ.
И люд, как бисер в тонкой леске,
На день Бездельника идёт.

– Вы что? Вам маска не к лицу,
Наденьте лучше Вы мою.
– Но это тоже маска.
– Зато какая сказка!

О, неверное племя
Идёт,
Спотыкаясь, на
Плаху.

Кто тебя боится,
Что тебя трясёт,
А в глазах двоится,
Изо рта несёт.

А мы сверлили пустоту,
И насверлили дыр немало.
И лицезрели красоту
Вселенского обвала.

Ух ты, кровь струится как
У подножия тахты.
Труп валялся,
Как мудак.

Собаки две стоят напротив,
И дыбом гривы так игриво,
Кошачьих шкурок не испортив,
Всё озираются пугливо.

Ты слышишь этот древний звук.
Обычно им пользуются кошки и дети...
Дети, дети! Этот лес в сумерки очень страшен,
И красная выпь лесная ест кашу из сухого валежника.
Пусть его, пусть его, пусть его,
Словно знает, что говорить. Необузданный ветер.
Ты зря продаёшь своё время,
Уткнувшись в газету с чаем,
Прозеваешь своё драгоценное
Знамя.
Своё бессловесное
«Я».
Состояние
О.
И чрезмерное
А.
Через море
Своих соответствий
Ясных,
Как доктрина вечернего
Ы,

Мы
Ли
Всё это
Не мыли.

Я чихаю, я простужен,
Мне лекарств вагончик нужен.
Море бьётся, дождь прольётся,
Леший тихо ухмыльнётся.
Видишь – там в лесу метель,
Я найду свою постель.
Лягу под осиною, лягу под берёзою,
Влага каплет сквозь листву,
Сквозь иголки и кору.
Всё равно я лягу с милой
Под малюсенькой рябиной.
Кто скажите, кто сюда,
У тебя глаза такие, что сгораю от стыда.
На заброшенном погосте
Ведьма скалится от злости,
Надо мной кружит сова,
Затуманились слова.
Кружит, кружит ветер, стужа,
Я чихаю, я простужен.

Кусочки льда – чем, право, не еда?

Должок, как маленький вражок,
Меня мучительно обжѐг.

Но-мо-нам ура копытам.
Сам я ням и моно-нам.
И немногим паразитам
Удалось меня ням-ням.

Каплет влага, льѐтся яд,
Винограду – виноград.
Нитка только намокает,
Так кого-то наградят.

То ли море нам ура,
То ли рыбная пора,
То ли разума мотивы
Засучили рукава.

Моно-нам, а вам налим,
Город мой Иерусалим.

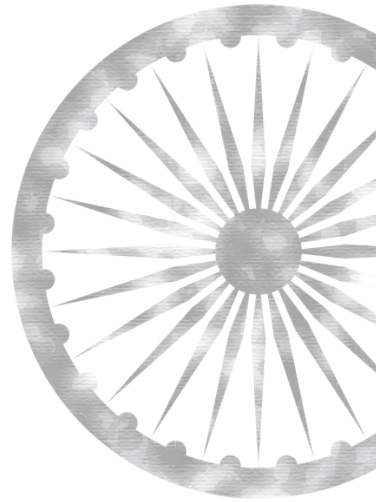
С випассаны

Я – ана, разве я не ана¹?
Рассыпал море я не зря.
Я на костре горел упрямо,
Остался пепел от меня.

Я – одинокая берлога,
Себе вместилищем служу.
Я сам и путник, и дорога,
В который раз я ухожу.

Мой путь от головы до ног,
Как долог путь моих дорог.

Туда-сюда, тропа скользит,
Глаза закрыты, сердце бдит.

¹ В переводе с арабского – «Я».

Он себя не знает, но успел привязаться.
И свою пустоту никому не отдаст.

Если в воду залезть, то сухим можно выйти?
Конечно, залезь в сухую воду.

Игра сверкающих заблуждений,
Чистота нулевого пространства.

Разность вашего калибра, стерегу,
И не птица я, колибри или гусь,
И не утка, что безумием полна,
За Луной взмывает новая волна.

Айсберг плавает по льдине ядовит,
Океан уже давно не Ледовит.

Не день, поверьте, выл сгорая,
Не тень падения луны.
Горела крыша у сарая,
Роняя звуком валуны.

Шахматное поражение

Усталая лаконичность взглядов,
Короткая передышка – сплю,
Понимая красоту поражения.

День меня не бил,
Ночь не соблазняла.
Просто я забыл
Снять с себя забрало.
Разве это грех?
Память – не компьютер!
Расколол орех,
Только перепутал.

Только есть три дня,
Только есть три ночи,
А потом – война,
А потом – не очень,

А потом ещё
И ещё зимой.
Ну а что потом?
Тихо! Шё-потом.

Ничего!
Ещё не всё пропало,
Всё ещё не выдохлись ветра.
У меня с собою покрывало,
Укрываться буду до утра.

Рваться!
Мне за облаком не скрыться,
И укутан лесом как-нибудь,
Вижу, как восходит и искрится
Тихая сверкающая жуть,

Муть смертей и тьма больного света.
Ни к чему пустая болтовня.
Словосочетанием раздета,
Словоблудьем целится в меня.

Нам-то что, уж полночь во дворе,
Нетопырь отправился в разведку.
Только Солнце – жаркая монетка –
Утром позабыло о Луне.

Лифта

Камни. Камни. Камни.
Какой сильный ветер.
Звёздная пыль, о Боже!
Дар бедственного крыла.
Круг первый: пять единиц линий.
Всё происходит всегда.
Нет прошлого. Нет будущего.
Отсчёт в обратную сторону.
На круговерть механизма.
Красивые духом
Мы новые.

Я видел мир, где был любим,
Где каждый был неповторим.
Для тишины здесь есть места,
Где искренность и красота.
Здесь нету лиц в паденьи ниц
В пределах сомкнутых ресниц.

2018

К людоеду

Слово – самосозерцанье,
Не вгоняет в эйфорию.
Так что жду я
И горюю,
И курю я,
И ворую
У себя свои минуты.
У руля вы,
Говорю я,
Убегаю,
Ухожу я.
Или съешьте этот бред,
Или ваш уйдёт обед.

1999

А ты знаешь?
Я уже видел эти значки.
Они весёлые и смешные, они смотрят,
Они любопытные следопыты,
И могут стрелять
Пучками лунного отражения в спокойном озере.
Ох и грохот взрыл ровную рябь.
Утренний стойкий хохот, и мы
П о к а т и л и с ь.

1995

Пятьдесят

Ладно-ладно, ноль плюс пять,
Вернее пять, а рядом ноль.
На день рождения опять
Осознаю чужую боль.

А там друзья,
А там враги.
Без них нельзя,
Тем помоги!

Своё глубокое извне
Всегда я доверял Луне.
Стояла полная луна,
Весёлая, над головой.
Я – уходящая весна,
Легко дарящая покой.

Но иногда, как солнца свет,
Я нарушаю тень границ,
Я нахожу в любом письме
Дневник души былых страниц.

И вот мне ровно пятьдесят,
Я открываю двери в сон.
Сам отпустил своих бесят
И вышел вон...

28 мая 2018

Становится легко
Бывает иногда.
Но кто-то далеко
Кричит издалека.

А облака ушли,
И небо расплзлось.
Созвездие нашли,
Оно разорвалось.

Спилили башню вкось.
Вспахали пашню вкривь.
Давай, земная ось,
Забудем перерыв.

И вскружим без конца,
До млечной борозды,
Вселенского гонца
С бессмысленной звезды.

Среди безвременных вершин взахлёб
Песками грезил,
Падок до страстей
Знаменьем пламенных.
Изнеженность стяжал,
Рыдая в камень, сам воспринял дар.

И одинок, и очарован, и пристыжен.

Удивительное шило,
А судью потом на мыло ли.
А потом лелеяли,
Самокрутки клеили.

А потом и тлели,
До утра горели.
А потом и шёпотом,
Топотом и кАпотом,
кОпотом и рЫпотом,
Типа там за рЫкотом.

ОбормотолОкотом
Дразнится сорОка там
Безобразным хОхотом.

А какая разница?!
Пусть сорока дразнится,
Потому что кошка там
Хочет сделать суп котам.

1997

Хоть бежит от неудачи,
Но на это обречён.
Он за дверью тихо плачет
Самому себе в плечо.

2001

Горит закат у рудника,
Пылает огненный дракон,
Из пасти коего река
Пожару создавала фон.
Я – перезвон колоколов,
Я – шум прибоя, треск сосны,
Я выкрал лето у весны
И напетлял себе узлов,
Чтоб не нашли.
И что тогда?
Горит закат, грядёт весна,
Я сам и рыба, и блесна.

Я – паучок, я – сеть интриг,
Я шум забвения постиг.
Но всё равно пылает лёд.
Я продолжаю свой полёт.

1998

Прикасаясь едва
летать...
Прямой линией обретая
нежную силу (у слабости она благородна).

Это светлая грусть.

Все мы волны одной реки.

Уклон Луны

Луна бестактна – сажены не в масть.
Суровое – на магию весны –
Против сна непростое сечение!
Погибельна жизнь суеты,

Здесь о любви ни строчки нет,

У чудовищ столь ласковый слух.

Алхимия расплавит душный лёд,
Зажёванная капает бумага.
Большой живот у полюса души –
Я знаю, светит
Серебро –

Ведро Луны.

Я устья рек связал бы воедино,
Но только в сердце мне мешает льдина.
Я растопил бы лёд теплом души,
Но сжёт себя в неведомой глуши.

Умножая, сгорает в прах,

Дым на стон плюнь, зола.

Пусть их глазёнки моргают.

Пеплом ночь от смолы прикурить
в стиле ретро.

Потупив взгляд,

Веру пил, наслаждаясь дарами?
Вздор и тени толпы.

Скользнул по тропе одиноко
В лаконичную суть.

Зная соль – не спеши,
Словно запертый насмерть щенок
В конуре одичал.

Из потресканной миски заочной
Потом резким на запах крыла...
Массив вдохновенья.

Камень неизведанно плоский
Изнывает в руке зимы.

Ух ты, шквал журавлей!

Сквозь ея же дугу проносились картины
Под маркой крыла
Прарисунком

В останки протенка.
Зелено.

И дождей ремесло
С необузданных арок.

Ах, всем вам пусть спокойной ночи.
Ах, всем вам сладких миражей.
А мне приснились, между прочим,
Стада тюленевых моржей.

Алексу Гельману

Укради подноготную, стань
Посеребрённым вмиг остриём!

Можем всё, но хотим ли?
Пусть оккультное тлеет в углу –
Не бездействуй у врат,
Не задерживай топот к лицу,
Коли встречи хотел.
Был восторгом уже опалён –
Готов раствориться,
Но листва шебуршала,
И осень просила: «Ещё, дай ещё!»

Перед входом недолгая степь
И метель в колесо.

А старику всегда два зуба снится.
Один смеётся, а другой сердится.

2003

Випассана

Вдыхая, выдыхал,
К кончику носа вниманием прислонён.

Мир закрыт, как две единицы глаз.
Постигал Вселенную изнутри...
Нескончаемо...
Снаружи растрата.

В такт оно захлебнулось.

Волоком звёзд пробрало до молекул –
Иголки вод своих острых
От макушки вершин до низов,
И опять – амплитуда.

Хранит глаза в скромности,
Дышит ровно,
Наблюдает истину своих «Я»
Врассыпную.

2003

Лаки

Нестрашно мне, но я боюсь
Не подчиниться воле страха.
К себе в пустыню я стремлюсь,
На мне зелёная рубаха.

А рядом дикий рыжий пёс,
Он отголосок тайны вечной.
Бредёт он по дороге млечной,
А я лишь по дороге грёз,
И мне кивает каждый встречный.

2001

Может, это не сон нам в удушьё
Тесной тенью Луны просочиться изволит
(словно капли в ресницах).

Как ода посмертная Ты!
Скользнул по мне голос тела,
Не оплакивай!
Только прости,
Тем себя от горенья освобождая
В сон Луны я вернулся,
Люблю,
Тихим возгласом светлый,
Не последний герой
Своих истин.

Зимняя сказка

День-раздень донага.
Заболела нога.
Забелела вдали перевала пурга.

Занесло семь дорог безмятежностью льда.
Борода, провода, повод, роды, года.
Оды, воды и годы, и борозды дня.

День-раздень донага,
Там, где солнце вдали и пурга семь дорог застелила,
Съели волки меня – их заснеженность Сказки взбесила.

1998

На войну идут отряды,
А детишки – в лес густой.
Мы, пожалуй, будем рады
Остаться малышкой.

Ещё немного, и меня найдут,
Собачий лай развязку приближает.
Ещё немного, и меня убьют,
Убьют в тот миг, когда всё расцветает.

А я ещё не сделал ничего,
Не испустил грехов, не выпил моря.
Я полугрешник, полубожество,
Пою о счастье, предвкушая горе.

Ещё немного, и меня найдут,
И стая псов уже бежит по следу.
Ещё немного, и меня убьют,
И кто-то будет праздновать победу.

1988

Голоса раздаются и стоны,
Глаза удивлённые глянут.
Зря пугают волчицу словами,
Для неё весь прыжок – это Вечность.

Ах, всем вам пусть спокойной ночи.
Ах, всем вам сладких миражей.
А мне приснились, между прочим,
Стада тюленевых моржей.

2003

Как бешено вращается смерчок,
Как безупречен маленький сверчок,
Он так сверлит сверлом своим сверча,
Что хоть печатку ставь из сургуча.

Я проснулся и умылся, улыбнулся и устал.
Рано встал я, рано встал я, рано встал я, рано встал.

Бьётся в горле смех – разрывается,
Он рыданием называется.

Русалка Зарим

Какое суетное зло,
Какая бледная роса.
Я слышу, как жужжит оса,
Мне бесконечно повезло.

А рядом слева духи ада,
Орут бесята малышней.
Я помню время листопада,
Хоть увлечён теперь лыжней.

Чтоб слева духи не мешали,
Я их тихонечко ужалю
И дверь закрою, шум сомну,
Пчёлокрылья разомну.

Я думал, что теперь усну,
Вот ночь, Луна и Млечный Путь.
Слыхал ли ты когда-нибудь.
Как леший злился на сосну?

В тайге дремучей после зим
Я повстречался в час ночной
С русалкой озера Зарим.

Спокойной ночи,
С добрым ут...
Я просыпаюсь,
Пчёл – каруд.

2003

Приходи любить

Стоит ли бороться?
Стоит ли искать?
Можно приколоться,
Вечно отдыхать.

И устать от скуки,
Ах у еть от лени.
Приходите, суки,
Протирать колени.
Я не сумасшедший,
Просто ебанутый.
Что глядишь, пришедший,
Как ножом проткнутый?

Стоит ли бояться,
Жизнь свою щадить?
Выходи сражаться,
Приходи любить.

2003

Я сам забыл, зачем устал,
Блокнотом жизни отлистал
И перестал.

Мутабор

Пустынная аллея,
Ночь вокруг.
Мне пела фея
Песенку разлук.
И было это
Много лет назад.
Горело лето,
Полыхал азарт.
Сидели ведьмы, леший и сатир,
Играли в карты и вершили пир.
И фея пела про сосновый бор,
И тихо повторяла: «Мутабор».

Я тоже в этой комнате сидел,
И на пиле играл, и песни пел.
Угрюмые настали времена,
Надеюсь только, что не навсегда.
А пока аллея в темноте.
Почему-то фея на кресте.

Народ опять чего-то перепутал.

2003

Саше Ротенбергу

Пост, охраняемый воином литературы:
Это и слово сказать, и последовать слову,
И вывести из него что-то новое.
Дал слово, взял слово,
Я хозяин своему слову.
Хоть пиши,
Хоть заучивай,
А хоть и наоборот перекручивай.
Что хошь скажи,
Что хошь отвечу,
Хочу – слово лечу,
Хочу – изувечу.
А пока кричу,
Радостно растопырив уши
И живот.

2003

Столик, ваза, истукан,
Паутина, таракан.
Телевизор, передача,
Отпуск, девочки, стакан.

2003

Я увлажнитель улиц,
Я соблазнитель куриц,
Укладыватель границ
И прочих верениц.
Я фриц,
Я грозный поц,
Я сшил себе матрац,
Известный я проглоц.
Съедаю я абзац,
А здесь нельзя курить,
А здесь нельзя молчать,
Здесь падают лишь ниц,
Желая поторчать,
Желая получить,
Умея оправдать
Способностью летать,
Желая обладать,
За тенью чтобы гнаться,
Не надо сильно злиться,
А то начнёшь ругаться,
И пропадёт граница.
Ну всё, теперь моргать
Глазёнками ресниц
И вереницей лиц
Немного пропадать.
Как тени зыбкий глянец,
Исчезнет гул столиц.
Солдатик-оловянец
С пастушкой стоиц.

2003

Соль Камня

Твоя жизнь любит долгое умирание
От рождения до смерти

Желать это время
(Обусловлен в вещах)

Если кто-то и точит необдуманное в чистом виде

Постигал, упиваясь ветром

Алое не проникнет в никель
Ждёт беспокойствия своего
Как единица переполняющей пустоты.

2003

Мне на шею намотавшись,
Спит уверенно змея.
С ней, как будто побратавшись,
Неуверенно сплю я.

У ночных птиц такие алые лица
Лишь тешат

Кольца забвения – воздухом вспять
Не дыши.

Ленно стынет неведомый плод,
Чтобы рис
От меня,
Лицезрея,
Не бился

Зверя,
Об пол.

Я люблю тишину.
Я – сама тишина.
И проходит сквозь знаки
Созвездий Луна.

Я сижу пустотой окружённый.
Плачем смех
Из отверстия рта.

Пью виноградную брагу
С прямотой расщеплённого атома.
Открыто рвётся наружу
Окровавленный оклик свободы.

Раздирая в клочки строгость формы,
Я однажды увижу себя
И, возможно, узнаю в лицо.

2003

Уподобился славой,
Пышнохвост и крылат,
Начинённый отравой, улыбнулся Сократ
И отправился в радостный ад.

Недетское

Просыпаюсь от веселья,
От безделья и хандры.
Застелю свою постель я
Под галденые детворы.

За окном они играют,
Тошно спорят и орут.
Поорут и убегают,
Штурмом крепости берут.

Я немножечко оденусь
И слегка ополоснусь,
Никуда от них не денусь
И, быть может, пригожусь.

Как меня качает ветер,
Как мороз охлаждал,
Я сегодня чист и светел
Странно – я не ожидал.

Так что утром просыпаясь,
Неприменно веселюсь,
В ледяной воде купаюсь,
Никуда не тороплюсь.

С детворой играю в прятки,
Сказки, салочки, игра.
Где мои сверкали пятки,
Там заканчивать пора.

Баюшки-баю

Стынет вечер зимний,
Воет волк в лесу.
Голосок интимный
Плещется в росу.

Девять старых брёвен
Там в лесу стоят.
Нежен взгляд и ровен,
Ласточки парят.

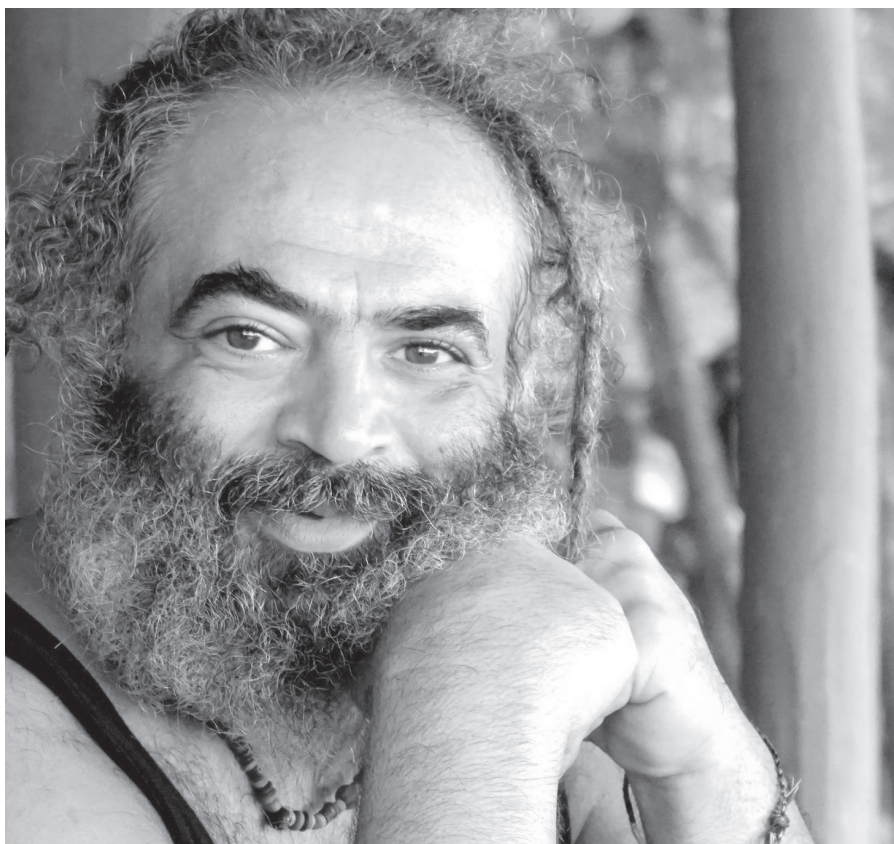
Звуки горной речки,
И хрустальный звон.
Тихие словечки
Создавали фон.

Польхает утро
Солнечных лучей.
Песня – Камасутра
Пламенных ночей.

Стынет вечер дивный,
Дремлют лопухи.
Голосок интимный
Говорил стихи.

Звёзды спать ложатся,
И слова «люблю»,
Как снежок кружатся.
Баюшки-баю.

Из сборника
"Разбитое сияние"

Я – ум без остатка,
Я – безум нуля.
Нечистая ватка
Схватила меня,

И день догорает,
Кивает в окошко.
Себя проклиная,
Антенная вся,
Рассыплется кошка...

Я – ум ноября,
Я – безум, я – безум,
Ум без у меня.

Без я, без они,
Без меня ли я три...
Умора. У моря. Умял корабли.

И каждый день он знал,
что говорить,

Но не имел времени, чтобы понять,
что падал в неведение.

Лгал.

1995

К...

Я вижу сон, где лотос в облаках,
Сквозь серебро в моих волшебных снах
Скользит она по Млечному Пути:
Весы, Плеяды, Лебедь, Близнецы –
Созвездием хрустального ручья
Средь вечности, где, может, буду я
С серебряною нитью в волосах –
Я видел Вас в своих волшебных снах.

1993

Ваза

Ваза, ваза разбилась,
Разбилась ваза, разбилась,
Ваза, разбилась ваза,
Разбилась, разбилась ваза.

1995

Кипящая вода – ещё не чай,
Летающий в никуда – не значит в вечность.
Приход весны – ещё не значит май,
А правда-мать – ещё не значит честность.
Нить паутины – это не звено,
Змеинный зуб – не означает яд.
А кто-то курит травы, пьёт вино,
И даже двери в ад – ещё не ад.
Я был в саду, но разве это сад?
Ничто вокруг меня не существует,
Лишь Я.

1993

Мантры Сатанинского ветра

Всем, кто гнёт свои спины, трудовые народы,
Всем, кто в поисках кайфа, всем, кто хочет свободы,
Кто по жизни деляга, бизнесмен и ублюдок,
Даже тем, кто влюблён в аромат незабудок,

Заявляю из мрака, из смрада и пепла:
К вам доносятся мантры Сатанинского ветра,
Открываются двери у безумных галактик.
Я не просто безумец – я безумствующий практик.

Разрываются связи, но вам этого мало,
И вливается в глотку вулканическая лава.
Кипячённые нити разрываются. Связи
Превращаются в жижу вулканической грязи.

Выползают из мрака злые чёрные силы,
И блюёт на планету созвездье Могилы.
Это вам не кресты на безлюдном погосте,
Демон чёрной звезды ожидает вас в гости.

10 февраля 1994

Предостережение

Путы тупо путают,
Пыты опыт слушают.
Что бежишь, рептилия,
Всё равно ведь скушают.

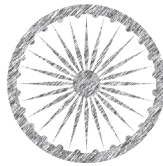
1995

После ванной

Там поле за полем, покрытое строем
Играющих вальс огоньков в темноте.
У нашей хозяйки – котёл на плите.
И долго, и много я буду смеяться,
Когда мне придётся с тобой повстречаться.
Ужасные пыльные лица влюблённых
Порвут нас на части толпою хвалёных
Игрушек активных, гармоний фиктивных.
И странный, туманный вопрос посетит
Меня после ванной – и волком разит,
Наверно, опять прилетел, паразит.

1996

Палиндромы

*

А собака боса

*

Рос ум как мусор

*

Колесо в оселок

*

На показ дом мод закопан

*

Трётся о лето тело я стёрт

*

Лезу как комок как узел

*

Рад как себе бес как дар

*

И к волу и летел и упал ан на лапу
и летели уловки

¹ Палиндром (от греч. «назад, снова») – слово или текст, одинаково или почти одинаково читающийся в обоих направлениях.

*

Я нем и виду удиви меня

*

Ишак снесёт но он тесен с каши

*

Лилось я солил

*

А пусто как от супа

*

У фикус суки фу

*

Марс и Рим как мир и срам

*

Узок вот путь узора на розу туп то в козу

*

Он дал лапу и упал ладно

*

И город дорого и туман намути огород дороги

*

Барин ни раб

*

Умри за ирму алиса как, а сила умри за ирму

*

Тушами и машут

*

И краб и барки

*

А ппурга как а группа

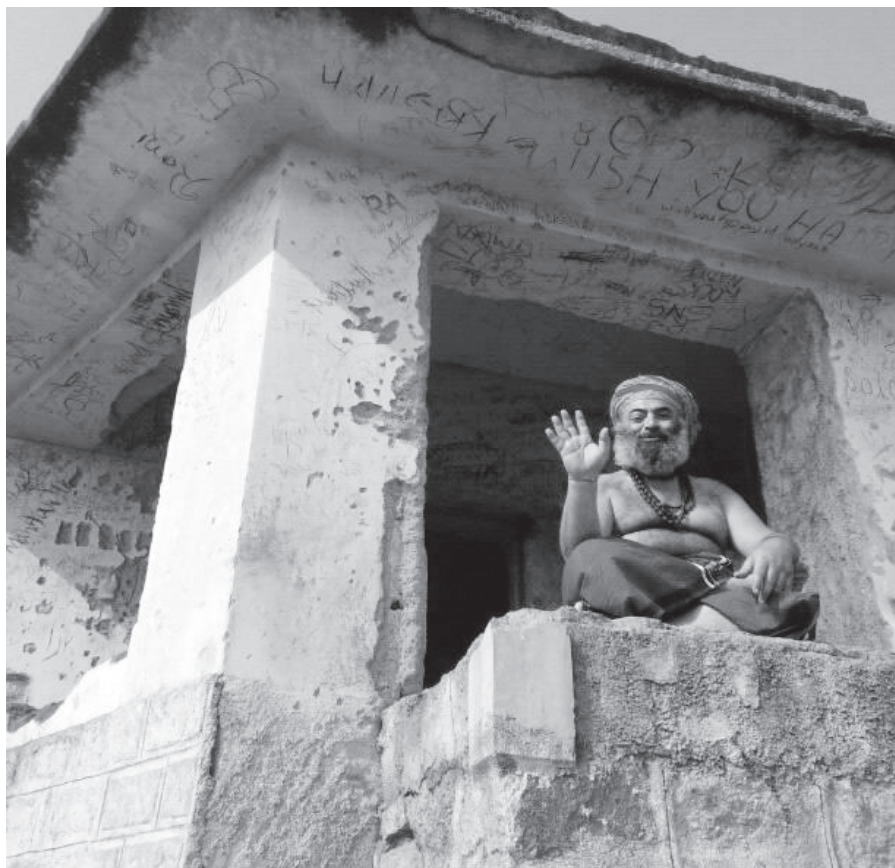
*

Арап как сон а нос как пара

*

О лете летело

Одинокий дом

Обними без истерики,
Полюби без надлома,
Поэзия лирики
Одинокого дома.

Что находится в сердце
Или где-то в душе,
Не стучи в мою дверцу,
Без меня хорошёй.

По одной лишь причине
Я всё время один:
Пусть хоть треснет личина,
Сам себе господин.

Я почти независим,
Не привязан почти.
Этим холодом лисьим
Мою память почти.

И прочти стихотворно
То, как жил я себя.
Умирал смехотворно
И рождался, любя.

Обними без надлома,
Полюби простотой.
Я везде вроде дома,
И всегда я чужой.

Ты прости. Я прощаю,
Безответственный ноль,
Тот, кого я встречаю,
С перерывом на боль.

Обними быстротечно,
Поцелуй, пригуби.
Обниму тебя встречно,
Путь в дороге люби.

Ухожу, не прощаясь,
В строки слов превращаясь.

2018

Я говорю здесь о любви бесценной,
Нестрашно мне, да я и не боюсь,
Ведь эти чувства – дух самой Вселенной,
Безумствую, люблю и веселюсь.
И никогда никем неизмерима
Вся глубина бескрайности ролей,
Неповторима и неизменима
Ежесекундность вечности твоей.
Безмерно сложная и без конца простая,
Великая, влюбленная, живая.

Хмурым на́ смех боги зреют,
Берегут нас от себя,
От самих себя добреют
И обреют нас, любя.

Только на́ смех хмурым бритва?
А вот курам не до сна.
Где-то празднуется битва,
Где-то плавится весна.

Не весна: пожалуй, лето
Нас тревожит ливнем вод.
Ничего себе планета!
Ничего себе народ!

Зреют боги, охмуряют
И ведут нас на убой.
Люди им не доверяют,
Но кивают головой

Есть ли боги, интересно?
А Создатель весь всегда.
Во Вселенной, как известно,
Вспыхнет новая звезда...

Хмурым на́ смех зреют боги,
Сам иду свои дороги.

15 июня 2018

Кожей касание, ретро
Капли – сосуды любви.
Жизнь – ожидание ветра,
Свежий глоток лови!

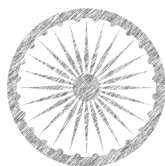
Но, создавая сказки,
Кучную жизнь веду.
В призрачной окраске
Распознавал беду.

Преображая сущность,
Многое потерял,
Но, растворя личность,
Осознавал финал.

И там, где во мне искрится
Атом моей души,
Тело со мной простится,
Чтобы не жить во лжи.

Когда я встану,
Тогда и буду,
Тогда устану,
Когда забуду.
Я видел море
Течёт рекою,
Ни с кем не споря,
Живу в покое.
Но если станешь
Со мной сражаться,
Тогда устанешь
Перерождаться.
Ведь в этом деле
Я маг, волшебник,
А в этом теле
Я лишь посредник.
Когда забуду,
Когда устану,
Увижу Будду
И перестану.

2018

От автора

За помощь, содействие и поддержку (вольную и невольную) с огромной благодарностью и признательностью Виолетте Соколовой и Борису Учителю, Михаилу Фадееву и Елене Авербух, Шломит Вольф (Сулико), Фаине Колодной, Юлии Машкович, Эдуарду и Наталье Шамис, Пете Птаху, Владимиру Тарасову, Анне Богомоловой, Оссу, Алексу Муху, Тане Украинской и другим, кто был искренне заинтересован в моём творчестве, помогал и убеждал в издании этой книги.

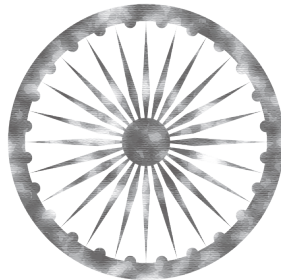
Низкий поклон и особая благодарность Елене Голд, Алексу Гельману, Лилии Соколовой и моему брату Анатолию Семёнову, взявшим на себя ведущую роль в создании сборника. Без вас это не стало бы возможным.

Спасибо всем тем, кто советовал и убеждал приняться за работу, и тем, кто принимал участие в создании этой книги. Вспоминаю, как рукопись постепенно приобретала единый стиль и форму. Это было сопоставимо с рождением новой формы жизни. Огромное спасибо. Пусть все существа во Вселенной будут счастливы.
Ом.

Лифта, Иерусалим. 2018 г.

Познаю много бывших инкарнаций:
Кем был тогда – теперь не всё ль равно.
И осознаю сущность медитации,
Переходя запретное звено.

Литературно-поэтическое издание

Эдуард Семёнов

ЛЮБОВЬ РАСТОЧИТЕЛЬНЫХ СКАЗОК

Координатор и финансовый директор:

Анатолий Семёнов

Редактор: Лилия Соколова

Корректор: Марина Тюлькина

Вёрстка: Фаина Колодная

Обложка: Шломит Вольф

На обложке: арка арабского дома покинутой деревни Лифты,
недалеко от Иеруслима. Фото: Анатолий Семёнов

Фото на задней обложке: Александр Горель

В сборнике использованы фотографии Анны Роуз,
Ильи Листова, Елены Кон, Юлии Мошкович и других

Печат: „ЕКС-ПРЕС” ООД – Габрово, тел.: 066/860 860
express2004@abv.bg

ISBN 978-954-490-630-6

Тираж: 300 экз.

Для связи с автором e-mail: ediksemionov68@mail.ru